

Анатолий Сударев

Роман о судьбе

Трудное
бабье

СЧАСТЬЕ

18+

Анатолий Сударев

Трудное бабье счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64196177

*Трудное бабье счастье:
ISBN 978-5-00073-831-3*

Аннотация

«Сорок лет – бабий век, в сорок пять – баба ягодка опять». Рожденная мудростью народной, эта истина блестяще, на самом высоком художественном уровне проиллюстрирована новым романом Анатолия Сударева. Простая русская женщина, вечная труженица, начавшая трудовую жизнь еще в юные годы с помощи своей деревенской матери-скотнице и всю взрослую жизнь посвятившая безрадостной работе в поселковой валяльне, родившая и поднявшая на ноги двоих детей, уже далеко на пятом десятке, после того как похоронила скоропостижно умершего мужа, справила замужество своей дочери и женитьбу сына, решает начать жизнь с чистого листа! В ней оживают воспоминания детства, приходит желание посвятить себя тому, чему она научилась в ее еще отроческие годы, а именно: ваянию. И ее жизнь – далеко не сразу, постепенно, через преодоление сложностей, вопреки всему рутинному, монотонному, враждебному, что ей противостоит, сказочно преображается. Она становится другим человеком, обретает другие качества. К ней приходит известность, богатство.

И, что самое главное для любой женщины мира, – ее посещает настоящее, не «казенное», как было в случае с ее замужеством, чувство мощной привязанности и любви. И хотя богатство оборачивается для нее, в конечном итоге, бедой, а испытываемая ею любовь, остается безответной, героиня романа не жалеет о свершившемся с нею чуде преображения. А еще она приходит к осознанию, что она не одинока в этом мире. Что она сама это плод постоянно работающего над нею и с нею Творца.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	51
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анатолий Сударев

Трудное бабье счастье

*Посвящаю это произведение
своей крохотной деревеньке Высоцкая,
что в Охотинском сельсовете
Мышкинского района Ярославской области*

© Сударев А., текст, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

Часть первая

Глава 1 Странная женщина

1

Наде только-только пошёл тринадцатый, когда случилось то, что, как покажет время, станет решающим в её будущей взрослой жизни.

Семья Егоровых жила в крохотной – дюжина дворов – деревушке Сосновцы, в доме в паре десятков метров от колхозного поля, в сотне метров от кромки леса, в пятистах метрах от мощённой камнем дороги Рыбинск – Углич, в полукилометре от реки Волга. На околице их деревни, рядом с ручьём, вытекающим из болота и добегающим до Волги, стояла бесхозная банька. Её хозяйева ещё в далёкие довоенные годы были раскулачены и увезены силой неизвестно куда. Но перед тем как быть увезёнными, они успели поджечь дом. От него уцелела одна страшно почерневшая от огня печь. Баня же, несмотря на прошедшие годы, оставалась живой и целёхонькой из-за сложившегося мнения, что в ней поселилась

какая-то нечистая сила. Её не только не растащили по бревёшку, но и никто из деревенских на неё не позарился. А всё оттого, что замечали, как в вечернее и ночное время вокруг мечутся какие-то странные огоньки, словно зажжённые и зажатые в чьих-то невидимых руках свечи. Поговаривали, что то были души прежних, скорее всего замученных где-то хозяев.

В начале шестидесятых в этой отпугивающей всех деревенских баньке поселилась никому не известная, незнамо откуда, а скорее всего с большой дороги, забредшая женщина. Она вела себя довольно странно. Со всеми деревенскими была приветлива, но необщительна, то есть в разговоры ни с кем не вступала и о себе никому ничего не рассказывала. Выглядела лет на сорок, фигурой стройна, лицом симпатична, смугла. Те из местных баб, у кого были мужья, естественно, сразу насторожились, усилили бдительность, но, судя по всему, потребности в мужской ласке у этой пришедшей не было: никому из мужиков предпочтения не оказывала и никого к себе ни под каким предлогом не приглашала. Ещё заметили, что после того, как она поселилась в бане, загадочные огоньки, доставлявшие беспокойство суеверным деревенским, пропали, как будто чужачка отыскала для них какое-то волшебное слово и души упокоились.

Как-то в конце апреля Надя возвращалась из школы и заметила, что новая поселенка пытается вскарабкаться на горку с тележкой, а на тележке наполненная водой пара бадеек.

Тропинка была скользкая после пролившихся недавно дождей, бадейки, наполненные хотя и не до краёв, тяжёлые – и женщина тужилась изо всех сил, а продвигалась совсем по чуть-чуть. И тут что-то подтолкнуло Надю. Преодолев робость, свернула с дороги, подошла к женщине:

– Может, помочь?

Та охотно приняла помощь. Вдвоём – совсем другое дело! Уже оказавшись на горке, женщина предложила Наде пройти в её жилище. Надя не сразу, преодолев сомнения, всё-таки согласилась.

Первое, что бросилось в глаза: удивительная чистота в предбаннике, какая-то необыкновенная домовитость, будто на самом деле это была и не баня, а прихожая в настоящих хоромах. Тут были и половички, и вышитые салфеточки; на бревенчатых стенах – со вкусом подобранные букетики из сухих веточек, брусничного, клюквенного листа, можжевельника. Может, поэтому и царивший здесь запах был вовсе не тот, что свойствен любым баням, даже если ими долго не пользуются, – душок несвежего белья и грубого хозяйственного мыла. Здесь же пахло как в лесу, и Наде, конечно, это понравилось.

А ещё она заметила на прибитых к стене полках ряды глиняных, покрытых яркой глазурью, забавных, каждая на свой лад, поделок-зверушек.

– Откуда это у вас?

– Нравится?

– Да. Очень!

– А какая из них больше всего?

Надя долго соображала: ей, в общем-то, любо было всё. Наконец она решилась, показала на смешно растопырившего передние лапы медвежонка. Женщина сняла игрушку с полки, подала Наде:

– Возьми. Это твоё.

– А не жалко?

Женщина улыбнулась:

– Нет, ни капельки. Я ещё наделаю.

– Так это... вы?! Сами?!

– Да. Сделаю, а потом продаю.

Теперь стало понятно, куда и зачем женщина почти каждый выходной с рюкзачком за спиной выходила рано утром на большую дорогу, ловила попутную машину, уезжала – иногда в сторону Рыбинска, иногда Углича – и возвращалась уже поздним вечером.

– А мой папка тоже так умел! – решила похвалиться Надя. – Правда, не из глины, а из дерева. А лучше всего из коры.

– Интересно. Как-нибудь принеси.

Уже вернувшись к себе и бросив взгляд на скромные отцовы поделки (сам отец умер лет семь назад), ей стало неловко нести и показывать их. До чего же неказистыми они выглядели, если сравнить с тем, что только что удалось повидать! И всё же она решилась. Женщина, едва взглянув, снисходительно улыбнулась:

– Конечно, твой отец молодчага... Так, как он, далеко не каждый сумеет, но если ты захочешь, я научу тебя настоящему мастерству. Может, даже это когда-нибудь тебе пригодится в жизни. Хочешь?

– Ой и не знаю! – честно призналась Надя. – Это, наверное, очень тяжело, а у меня и так по дому и вообще делов много...

– Да, понимаю. Между прочим, я ведь уже давно наблюдаю за тобой. Ты мне нравишься.

– Почему? – застеснялась Надя.

– Ты славная. Много помогаешь матери. Но мои уроки, если, конечно, ты по-настоящему захочешь, не станут для тебя чем-то обременительным. Они доставят тебе радость.

– Какую радость?

– Радость созидания. Ты ощутишь себя творцом! Полетишь! Почти как птица. Даже выше.

Речь, слова, которыми пользовалась женщина, показались Наде какими-то не совсем обычными. Простые люди так не говорят. Скорее, такое встретишь только в книгах. А Надю хлебом не корми, дай только в руки какую-нибудь увлекательную книжку. За уши потом не оттащишь! Первыми она, естественно, прочитала русские народные сказки, потом увлеклась волшебными историями датского сказочника Андерсена и, наконец, открыла для себя вроде бы такой далёкий от деревеньки Сосновцы и всё-таки чем-то показавшийся ей близким, особенно задевающий её душу мир героев Чарль-

за Диккенса. Кажется, прочла из Диккенса всё, что нашла. Вначале в библиотеке при охотинском сельсовете, а потом и в «районке», в городе Кошкино, где располагалась её средняя школа.

Неудивительно, что эта женщина, судя по её речи, словно сошедшая со страниц какой-нибудь ещё не прочитанной Надей книги, возбудила в ней интерес. А от предложения научиться делать забавных зверушек, при всех сомнениях – получится ли, отказаться уже не могла.

– Ну и отлично! – обрадовалась новая знакомая. – Тогда давай договоримся так... Я бы хотела показать тебе весь процесс. С самого-самого начала. И до конца. Я как раз на днях собираюсь начать новую партию. И скажу тебе, когда надо прийти. Хорошо?

2

Прошло примерно три дня, наступило воскресенье, и женщина (она разрешила называть себя тётёй Верой) пригласила Надю проводить её до верховья ручья.

Вышли они в начале первого, когда Надя уже успела сбегать на скотный и помочь матери разбросать по стойлам дневную порцию силоса. В руках у тётёи Веры были пустое ведро и лопата. Пока шли, тётя Вера успела расспросить Надю о её повседневных делах и делишках. Надя поделилась, что читает последнее время «Домби и сына» и что, как ни

старается, не может удержаться от слёз.

– Это хорошо, – заметила тётя Вера, – что ты такая жалостливая. Все люди, какими бы они ни родились, богатыми или бедными, красивыми или уродами, достойны, чтобы их пожалели. Им суждено было родиться в грубом, жестоком мире. Только запомни: людей важно не только жалеть, но и учить тому, чтобы они, несмотря ни на что, могли жить с достоинством, не навлекая на себя насмешек и снисхождения.

– А вы чего-нибудь читаете? – поинтересовалась Надя. Она не заметила в тёти-Вериной баньке каких-нибудь книг, и это ей показалось странным. «Говорит как по книге, а где же они сами?..»

– Нет, – честно призналась тётя Вера. – Раньше, когда я была твоей ровесницей, буквально пожирала всё, что попадётся на глаза. А сейчас больше читаю книгу под названием «Живая жизнь». То есть всё, что нас окружает. Это, поверь мне, намного интереснее! Но это не значит, что я советую тебе делать то же самое. Всё, думаю, придёт со временем. А пока ты просто ученица, «Домби и сын», безусловно, заслуживает, чтобы её прочли. Очень полезная книга! Учит тому, что богатство далеко не всегда приносит человеку счастье. Скорее, наоборот – это очень скользкий, предательский путь к холоду и пустоте.

– Какой пустоте?

Тётя Вера, прежде чем что-то ответить, немного подумала.

– Это пока сложно для тебя... Но ты потом всё поймёшь. Может, даже на собственном примере.

«Интересно, – подумала Надя, – неужели я когда-нибудь смогу быть богатой? Ну, допустим, даже не такой, как мистер Домби, но всё равно...»

Они прошли почти с полкилометра, когда тётя Вера остановилась.

– Ну вот и наш Клондайк!

Надя не знала, что такое Клондайк, но, чтобы не выдавать своего невежества, переспрашивать не стала. Она заметила, что метрах в пяти от русла ручья была уже выкопана достаточно глубокая ямка, слегка заполненная водой, видимо от пробивающегося снизу родникового ключа.

– Здесь замечательная белая глина, – объяснила тётя Вера. – Почти волшебная! Думаю, ценность её ненамного меньше золота. Обычно, чтобы довести глину до состояния, когда с нею можно работать, приходится выдерживать до года. А этой достаточно полежать около месяца. Это ли не подлинное чудо?

Она с верхом наполнила ведро этой чудесной глиной, и они вернулись к баньке. Позади строения стояло большое деревянное насухо протёртое корыто, куда тётя Вера и выгрузила массу. Туда же она опрокинула пару вёдер заранее приготовленной чистойшей, без малейшей мусоринки, родниковой воды.

– Теперь нам придётся серьёзно потрудиться, – тётя Вера

вооружилась чуть удлинённой, суженной на конце деревянной лопаточкой. – Это самая, пожалуй, тяжёлая и неувлекательная часть работы: создать условия, чтобы глина, пока томится, могла как следует продышаться, пропитаться энергией. – Тётя Вера энергично заработала лопаткой, перемешивая содержимое корыта. – Запомни, эта глина давным-давно уснула. Так давно, что нам даже невозможно себе представить. Миллионы лет! А теперь мы должны её пробудить. Это почти как если бы у меня в руках была сейчас живая вода. Так постепенно из полумёртвой, ко всему безучастной, инертной, едва одушевлённой массы возникает то, что уже само способно рожать...

Тётя Вера, ни на миг не прекращая кругообразные движения рукой, продолжала перемешивать, потом толочь, мять, взбивать всё более уступчивую и поддающуюся её усилиям глину. Труд, по всей видимости, действительно был не самый лёгкий: на лице женщины выступил пот, ей то и дело приходилось промокать его заранее приготовленным полотенцем. В то же время она не переставала поучать стоящую рядом Надю:

– Но это совсем как в жизни... Мы все живём почти как во сне, просто не замечаем. И надо здорово над собой поработать, чтобы очнуться...

Когда она наконец прервала работу, то взяла в горсть комочек глины, помяла его и передала Наде:

– Потрогай. Почувствуй, какой она стала.

Наде в самом деле показалось, что глина стала почти живая и охотно откликается на любое подавливание пальцев.

– И всё-таки... Нет, ещё мало, – тётя Вера возобновила работу. – Никогда не останавливайся, если нет полной уверенности, что ты не достигла того, что хотела. Лучше переработать, чем недоработать!

Последовало ещё минут десять интенсивного труда.

«Ничего себе, – подумала Надя, – это будет даже почище, чем вскопать наши огородные грядки».

– Вот, пожалуй, и всё... – Тётя Вера ещё раз зачерпнула из корыта и подала Наде.

Глина доверчиво, подобно птенчику, прижалась к Надинной ладони.

– Почувствовала?.. Запомни это состояние. И если станешь сама этим заниматься, постоянно добивайся именно того же. Тогда ты получишь то, что надо... А теперь немного помоги.

Тётя Вера прошла к ещё одному насухо протёртому корыту и протянула большое сито.

– Держи.

Пока Надя держала сито, тётя Вера нагружала его почерпнутой из корыта глиной. Затем взяла сито в свои руки, дождалась, когда полностью стечёт помутневшая вода, и выгрузила содержимое в сухую ёмкость. И повторяла так, пока полностью не освободилось первое корыто.

– Считай, самую тяжёлую часть работы мы с тобой выпол-

нили. Теперь, когда эта масса пробудилась от долгого летаргического сна, мы должны на какое-то время оставить её в покое. Пусть наедине с собой и с окружающим её миром постепенно придёт в себя. Пусть напитается соками, воздухом, ароматами, звуками...

Она собрала в охапку орудия труда – ведро, лопаты и сито.
– Иди и ты. Отдыхай. Спасибо за помощь! Мне понравилось, как ты меня слушала. Из тебя получится настоящая большая умелица... Если, разумеется, сама этого захочешь.

3

Прошло около месяца. За всё это время Надя крайне редко виделась с новой знакомой, хотя была бы не прочь просто зайти, поговорить, поделиться своими радостями и проблемами. Но тётя Вера, кажется, не любила бездельного празднословия. Она издали приветливо улыбалась Наде, когда замечала её, могла помахать рукой – словом, так или иначе давала понять, что девочка ей теперь не чужая, однако к себе больше не приглашала и никаких советов не давала. И это определённо задевало чуткую, восприимчивую Надину душу. Она даже чувствовала себя обиженной. А иногда заброшенной, обманутой.

Но всему приходит конец. Пришёл он и Надиным обидам. Как-то вечером она возвращалась со скотного, и тётя Вера сама вышла на дорогу, чтобы встретить её.

– Что у тебя завтра со временем?

– Ничего!

Хотя на самом деле было «чего»: мать собиралась затеять большую, долго откладываемую стирку, и без участия Нади такое важное мероприятие пройти не могло. Девочка сразу про себя решила, что с матерью сможет договориться, а вот тётю Веру пропустить никак нельзя.

– Тогда загляни ко мне завтра. Как перекусишь с утра – сразу и приходи. Продолжим наше обучение.

Когда Надя явилась к ней на следующее утро, тётя Вера первым делом возвестила:

– Сегодня мы совершим с тобой акт творенья. Тебе приходилось когда-нибудь что-то лепить? Из глины. Какие-нибудь, может, фигурки...

– Нет, только из снега.

– Я тебе сейчас покажу. Посмотришь своими глазами. А потом попробуешь сама, при мне.

Они сидели за вынесенным из баньки столом, под сенью дикой цветущей в эту пору яблоньки. Этой ночью было ветрено, и столешницу засыпало опавшими лепестками. Тётя Вера слегка подула, и они разлетелись. Теперь перед ними стояла лишь деревянная миска, с верхом наполненная выстоявшейся глиной.

Тётя Вера взяла комочек, стала его энергично обминать, пока масса не уплотнилась. Затем, вооружившись скалкой, раскатала массу в пластину и соединила края. Получился

небольшой пустотелый мешочек. Смоченной в заранее приготовленной воде ладонью тётя Вера загладила один край, придав ему уплощённый вид, другой край, наоборот, сначала закруглила, потом слегка вытянула. То, что в результате получилось, стало напоминать чьё-то туловище. Теперь тётя Вера стала один за другим крепить к туловищу какие-то детали: ушки, лапки. В последнюю очередь – достаточно длинный, с изгибом хвост.

– Кто это, как ты думаешь?

– Лиса, – почти не задумываясь ответила Надя.

– Правильно! Только мне бы хотелось... чтобы это скорее выглядело как любопытный лисёнок.

С этими словами тётя Вера слегка удлинила своему созданию шею и ещё больше вытянула уши. И в самом деле, сразу возникло ощущение, что это несмышлёное дитя. Далее плоской стекой она слегка уплотнила место налёпа.

– А теперь пусть наш лисёнок немного подвялится на солнышке. За это время ты попробуешь сотворить что-нибудь подобное. Впрочем, твоя фантазия ничем не ограничена. Тебе сейчас всё подвластно, и ты вправе подарить жизнь любому существу!

Надя немного подумала и решила, что не станет повторяться: пусть из её рук выйдет не лисёнок, а... Сейчас у них в доме, как бывает каждый год в эту пору раннего лета, – целый выводок цыплят. Ничего не объясняя наставнице (пусть, если, конечно, получится, догадается сама), почерпнула из

миски кусочек глины.

Ах, как ей это сразу понравилось! Ощущение прильнувшей к ладони, ещё ни во что не воплотившейся, но, кажется, жаждущей этого воплощения бесформенной массы. Только бы не обмануть ожидания, только бы избежать какого-то уродства! Так хочется сотворить что-то достойное!

Сначала, как и следовало ожидать, глина не поняла, чего от неё хотят, чего добиваются эти пока неопытные, неуверенные в себе пальцы подмастерья. Нужно было преодолеть и собственную неуверенность, и встречное недоверие материала, а это оказалось непросто. Всё, чувствовала Надя, вначале пошло не так, как ей хотелось.

– Не волнуйся, – тётя Вера сочувственно погладила Надю по плечу, – забудь о результате. Доверься собственным пальцам. Я чувствую, они у тебя чуткие, сами выведут постепенно на правильную дорогу.

То ли лёгкое поглаживание чудодейственно подействовало на Надю, то ли сработало что-то внутри неё самой, но она действительно успокоилась, перестала волноваться о результате («Что получится, то и получится»); пальцы, казалось, будто обособились, зажили отдельной жизнью. Обретя таким образом независимость, они стали чудесным образом создавать нечто... достаточно близкое тому, что первоначально задумывала Надя.

Минут через десять в её руках появилось подобие цыплёнка, немножко, как представлялось, взволнованного,

взъерошенного – может, даже самым фактом своего воплощения. Он словно готовился вот-вот задать мастерице вопрос: «И как это, скажи, вдруг я у тебя получился?»

Тётя Вера взяла Надино творение в свои руки и придирчиво его оглядела.

– Молодец! – сказала она. – Есть маленькие огрехи, но главное – он живой. Я не ошиблась, из тебя получится очень хороший мастер!

Надю распирала радость. И гордость от сознания того, что не упала перед этой уверовавшей в её способности женщиной лицом в грязь. Тут же возникло нестерпимое желание снова взяться за глину. Как можно скорее сотворить что-нибудь ещё.

Но тётя Вера охладила этот порыв:

– Нет-нет, пока что достаточно! Сейчас тебе кажется, что ты уже овладела всей техникой, в тебе появилась самонадеянность, а акт творчества предполагает вначале неуверенность и страх, что у тебя ничего не получится. При первом взгляде это всегда пустой, отпугивающий тебя лист. Творение – запомни! – это всегда что-то новое, неизведанное, оно не терпит единообразия, штампа. А штамп – это халтура. Есть ещё страшное слово – ты его, конечно, знаешь – «смерть».

Она водрузила Надино цыплёнка на стол и взяла в руки слегка подвялившегося на солнце лисёнка.

– Сейчас у него прорежется голос.

Теперь в её руках была крохотная палочка с заострённым концом. Она сделала им несколько надрезов на спинке игрушки, потом прижала лисёнка к вытянутым губам, и тот как будто ойкнул от удивления. Кажется, неудовлетворённая звучанием, тётя Вера сделала такие же надрезы по бокам игрушки и ещё раз испытала. Звук получился более громким, убедительным; это было уже, скорее, не удивление, а выражение радости по поводу всего лисёнком увиденного, им к этому мгновению изведенного.

– Надюха-а-а! – до уха девочки донёсся голос матери. Надя вспомнила, что та отпустила её не больше чем на час. Дома ждала стирка.

– Ой! – Надя огорчилась почти до слёз. До чего ж не хотелось ей покинуть свою наставницу! – Мамка зовёт.

– Ничего, иди. Наши питомцы ещё пару дней посушатся. А потом начнётся обжиг. Сотворённое надо закрепить, иначе оно будет нежизнеспособно. Приходи, покажу тебе, как работать с печкой.

4

Печка была крохотной, на её поддоне помещалось не более трёх десятков глиняных заготовок. Каркасом ей служила мелкосетчатая железная арматура; снаружи, снизу и сверху, её опоясывали два стальных обруча, а изнутри – кирпичная футеровка. Печь можно было разбирать и собирать, но об

этом Надя узнала немного позже.

К моменту, когда девочка вошла в домик, поддон в печке уже был загружен поделками тёти Веры. Среди них красовалось и первотворение Нади – её по-прежнему взволнованный и как будто всё ещё продолжающий сомневаться в целесообразности своего появления на свет цыплёнок.

Надя удивилась, откуда у тёти Веры такая печка.

– Кое-что я постоянно вожу с собой, – объяснила та, – ведь это мой кусок хлеба. А кирпичи – ровно такой формы, как мне надо, я смастерила сама, из той же глины, что у наших с тобой деток.

Чуть позже, когда разжигала печь, тётя Вера продолжила:

– Да, это уже технология. Кому-то она покажется далеко не самой увлекательной частью процесса, но в творчестве нельзя ничем пренебрегать – что-то возвышать, а что-то приносить. Всё исключительно важно. Не подымешь температуру до нужной точки или, наоборот, переборщишь – всё рождённое твоим вдохновением пойдёт насмарку, окажется выброшенным на помойку. Да и чем поддерживаешь огонь – тоже далеко не пустяк. Кто-то топит углём, кто-то – что ещё хуже – нагревает печь электричеством. Я делаю это только дровами определённой породы. Теми, которые дают особенно ровное прогревание и источают особый дух. Дух живого леса, природы. Я потом тебе всё-всё покажу.

Она чиркнула спичкой, подожгла щепу в печи. Огонь занялся очень быстро. Видимо, положенные раньше мелко на-

колотые дрова были просмолёнными и очень сухими.

– Что касается температуры... Конечно, можно пользоваться градусником, но я приучилась это делать по-другому. – Тётя Вера выдернула у себя один волос. – Вот мой градусник. Я держу его... – И поднесла к самому устью печи, не прикрытому заслонкой. – Видишь, с ним ничего не происходит? Значит, надо ещё подтопить. Когда он на этом расстоянии начинает обугливаться – температура та, что надо. Игрушки после обжига будут прочными и звонкими!

Когда через несколько минут новая волосинка действительно принялась быстро таять, довольная тётя Вера закрыла устье заслонкой.

– Ну вот, теперь как раз то, что надо. – Она коснулась ладонью накалившейся печной стенки. – Хочешь потрогать? – Обожгусь.

– Не обожжёшься! Моя печь умная. Она знает, что её задача не отапливать помещение, а хранить равномерно тепло.

Наконец Надя решилась проверить правоту наставницы: осторожно приложила свою ладошку к стенке. Действительно, чудо какое-то! Печка, Надя видела это собственными глазами, была багровой от жара, но её бок был относительно негорячим, во всяком случае не обжигающим.

Домой Надя вернулась, когда уже начало темнеть.

– И где же это ты весь день проваландалась? – недовольно проворчала мать.

– С тётей Верой.

– «С тётей Верой!»! – мать явно заревновала дочку. – И чем же это, интересно, вы с ней занимались?

– Игрушками.

– Игрушками?.. Ох, смотри, Надюха, доиграешься на свою голову!

Пока мать ворчала, Надя думала только об одном: «Что-то будет с моим цыплёнком? Каким-то он в конце концов получится?»

Оказалось, что её игрушке предстояло пережить ещё целую цепь превращений. Задымление на хвойных опилках, приготовление глазури из красной глины (это было далеко не просто, столько тонкостей!), нанесение её тонким слоем на игрушку, ещё один обжиг, роспись надглазурными красками (их предварительно тоже нужно было создать), для закрепления которых, чтоб не осыпались, нужен был ещё один обжиг. Мамочки родные! Зато, когда окончательно готовый, одетый в нежно-жёлтые тона цыплёнок оказался на Надиной ладони, – сколько же радости она испытала! И какой наплыв веры в себя!.. В свои возможности. Что чудо ей по силам.

Весь достаточно протяжённый остаток лета Надя посвятила изучению, а потом и совершенствованию освоенного ремесла. Она делала это с охоткой, и тётя Вера с удовольствием посвящала окрылённую ученицу во все сопутствующие созданию поделок премудрости.

Но лето прошло, настала пора идти в школу. Теперь сво-

бодного времени у Нади было в обрез. На всём, что касалось тёти Веры, это, разумеется, не могло не сказаться: Наде реже удавалось улучшить момент, чтобы сбегать в баньку, проведать свою щедрую наставницу и уж тем более получить какой-то дельный совет. Впрочем, в последнем Надя, кажется, больше и не нуждалась. Если б учение было поставлено на официальную ногу, тётя Вера без колебаний вручила бы своей подопечной полноценный диплом, да ещё с отличием – настолько хорошо она за прошедшее лето всё усвоила. К тому же в фантазии и выдумке, когда речь заходила о персонажах поделок, она – пусть и совсем немного – превосходила свою учительницу. Тётя Вера ни капельки не обижалась, что Надя стала реже к ней заглядывать, наоборот, даже поощряла не пропускать школьных занятий.

– Учись, девочка, не ленись! Жизнь человеку на то и дадена, чтобы он постоянно что-то постигал, постоянно к чему-то шёл, осваивал, открывал для себя новое, неизведанное.

Настал пасмурный, дождливый октябрь. Встретившаяся как-то в Охотино у продмага тётя Вера попросила Надю:

– Загляни ко мне сегодня вечером.

И прямо с порога огорошила запыхавшуюся девочку новостью:

– Ну вот, Надюша, так получается, что мне надо срочно уезжать. Настало нам время расставаться.

«Вот тебе раз!» – подумала подавленная этой новостью Надя. Но невысказанное огорчение отразилось на её лице, а глаза увлажнились от невольно выступивших слёз. Тётя Вера, конечно, не могла этого не заметить.

– Не плачь... Так надо, – по-матерински обняла она Надю, и та уткнулась своим влажным лицом в её живот. – Всё будет нормально, девочка. Ты сильная. Избранная. У тебя есть характер. Рано или поздно это проявится. Ты не упадёшь... А если и упадёшь, обязательно подынешься... А теперь послушай меня...

Тётя Вера отстранилась и показала, во что превратилась её чудо-печка: отдельные железки, полоски, скобы, крепления, аккуратно уложенные кирпичи – всё это теперь покоилось в огромном деревянном корыте с приделанными по торцам железными ручками. В отдельном мешочке был собран мелкий разнообразный инструмент, которым она пользовалась при работе над игрушками. Отдельно лежали пакетики с сухими красками.

– Пусть это побудет у тебя. Найдёшь место?

– А вам разве больше не понадобится?

– Скорее всего, нет... Трудно сказать. В любом случае я не могу забрать всё это с собой. А тебе в жизни может пригодиться. Если ты сейчас назовёшь место, мы попробуем вместе всё перенести.

Надя подумала и решила, что места лучше сараюшки, где хранятся в основном наколотые дрова да ещё всякая всячи-

на вроде поломанной телеги или порванных хомутов, то есть всего, с чем, несмотря на ветхость, пока ещё жалко было навсегда расстаться, не придумаетшь.

Не без труда они погрузили все эти печные прибаамбасы на тележку и, стараясь оставаться незамеченными, перевезли на двор.

Утром следующего дня, когда девочка пошла в школу, её взгляд невольно притянулся к баньке. Тётя Вера, уходя, оставила дверь открытой. Вероятно, чтобы поскорее выветрились жилые запахи. Зато оба окна были наглухо закрыты защитными деревянными ставнями, отчего казалось, что банька осталась без глаз.

От этого зрелища Наде стало очень грустно. Одиноко. Так одиноко, как не было ещё ни разу в её прежней беззаботной жизни. Она почувствовала себя по-настоящему покинутой, словно утратила что-то необыкновенное. И даже свежее испечённая лепёшка с черникой, которую сунула ей в руки перед уходом мать, не смогла пересилить горечь утраты.

Надя брела тропинкой, доедая лепёшку, а слёзы капали и капали из её глаз. И она ничего не могла с этим поделать.

Тётя Вера в Сосновцах больше не появилась, но печь и инструмент никуда не пропали. Так и полёживали себе в сараюшке за поленницами дров, укрытые толстым слоем соломы. Ведь сказано же было: «Может, в жизни пригодится». А тётя Вера – и Надя была в этом убеждена – слов на ветер не бросала.

Надя была не из робкого десятка и чуть что всегда могла постоять за себя, однако отличалась природной стеснительностью. Одиночество редко бывало ей в тягость, поэтому подруг у неё по жизни всегда было мало – раз-два и обчёлся. Одной из таких была Татьяна, проживавшая в Кошкино. Как-то Надя, когда уже окончила школу и начала работать как взрослая на том же скотном дворе, что и мать, через охотинского почтальона (на почте был телефон) получила от Татьяны приглашение на её день рождения.

Надя долго не решалась: «Стоит идти или не стоит?» Скотный отнимал так много сил – не до гулянок! Ей бы лучше поспать лишних пару часиков, чем мотаться в такую даль (после школы стало казаться, что Кошкино где-то на краю света). И скорее всего, она бы так и не откликнулась на приглашение подруги, если бы не мать. Заметив нерешительность дочери, она сама вызвалась поглядеть за Надиными коровами.

– Ежжай, ежжай! Протрясись хошь капельку. Ты ещё вона какая молодая, не всё ж тебе под хвостами у скотины торчать.

Надя вняла советам, помылась в баньке, приделалась понаряднее и отправилась пешечком на переправу, которая и доставила её на другой берег Волги в Кошкино.

Среди прочих, кто сидел за праздничным столом, был и старший Татьянин брат. Он лишь полторы недели назад дембельнул из армии. Наде уже приходилось время от времени встречаться с Павлом. Ничего особенного: парень как парень. Много таких. Тощеватый, немногоречивый, даже, скорее, мрачноватый. Три года отлучки, пока отбывал воинскую повинность, почти никак не отразились на его внешности. Ну, может, только несколько раздался в плечах, и шея стала не такая длинная и тонкая. Не прибавилось у него и развязности: пока сидели за столом, едва выдавил из себя с десятков слов, хотя и изрядно выпил. На Надю вообще, как показалось, ни разу не глянул. Однако, когда настало утро и девушка спешила к первому парому, вдруг предложил себя в попутчики: ему, мол, надо навестить проживающего в Охотино приятеля.

Пока добирались до переправы, ждали, когда отчалит паром, переправлялись через Волгу и, наконец, пока тряслись в автобусе, если и говорили о чём-то, то не о самом важном: немного о школе (она была у них общей), учителях; он самую малость поведал о недавнем солдатском житье-бытье. Надя была рада, когда пришло время расстаться. Что есть сил помчала к себе домой, чтобы переодеться и пойти на скотный. Он же направился в Охотино.

С тех пор прошёл примерно месяц. На дворе стоял уже октябрь. Ненастная, неприглядная погода, самое удручающее время года, когда всё вокруг голо, мокро и до первого, раду-

ющего глаз снега, кажется, ещё совсем не близко.

Надя в тот вечер, как обычно, возвращалась со скотного в компании матери. Обе изрядно подустали. А ведь им ещё предстояло накормить-напоить собственную томящуюся в хлеву скотину, не говоря уже о младшеньких – брате и сестре.

Ещё издали Надя заметила, что кто-то сидит у них на завалинке. Тём-но. Поди разбери, кто это. Стали думать-гадать. Может, соседка бабка Арина? Бывает, она совсем без спичек, или керосин кончился, или ещё чего по мелочи. А то и бригадир Иван. Хоть он и «полевой» и, следовательно, над ними, скотницами, непосредственной власти не имеет, но, бывает, подлетит на своём вихлястом велике, затарабанит в окошко:

– Опять ваш телёнок на колхозном поле пасётся! Трам-тарарам! Мать вашу! Обнаглели.

Лишь когда подошли почти вплотную, Надя, к немалому своему удивлению, опознала в сидящем своего недавнего провожатого Павла.

– Чего тут делаешь?..

– Тебя жду.

Надя продолжала недоумевать.

– Вот, – Павел протянул Наде какой-то свёрточек. – Сеструха просила передать.

Надя неуверенно взяла посылку, развернула. В ней были тёплая, правда, уже ношенная пуховая шапочка и совершен-

но новые вязаные, с красивым узором варежки. Надя вспомнила: когда была на дне рождения, невзначай проговорила – хотя вообще-то жаловаться и тем более что-то выпрашивать у неё привычки не было – что у неё неважно с одежкой, особенно с тёплыми вещами.

Пока Надя раздумывала, мать строго проговорила:

– А спасибо кто скажет?..

Потом повернулась к Павлу:

– Ну проходи, паренёк, в избу. Гостем будешь. – Она отворила дверь на крылечко. – Да ноги-то оттопчи! Грязи сейчас вон скоко, а мы токо-токо полы, смотри, намыли.

– Да я ненадолго... Мне вон токо ей передать.

– Всё одно проходи. Да и дождь у нас заодно переждёшь.

И впрямь, как будто нарочно, полил дождь. Скатывающиеся с покато́й крыши крылечка струйки застучали по лежащей на земле большой, из-под камсы, консервной банке – её иногда наполняли объедками со стола, чтобы полакомилась всегда голодная соседская собака. Заслышав голос хозяев, возбуждённо захрюкала в своём уютном хлеву свинья Машка.

Павел, сгорбившись, чтоб не удариться головою о дверную притолоку (как и многие тощие, он был довольно высокого роста), прошёл сначала в сени, потом в горницу.

А Надя вдруг заупрямылась.

– Ты иди, – сказала она матери, – а я скотину пока покормлю.

– Ещё чего! Подождёт скотина.

– Да чего ему надо-то? Я его и знать-то не знаю!

– Вот и узнаешь. – Мать несильно, но настойчиво подавливала, подталкивая дочь ладошкой в спину.

«Да пропади он пропадом!.. Что мне, больше делать нечего, кроме как его узнавать?..» – в сердцах чертыхнулась Надя, но... мать по-прежнему напирала сзади, и ей пришлось покориться.

Прибежали, завидев свет в окнах, обычно где-то пропадающие младшие брат и сестра. Мать наскоро собрала на стол. Не поскупилась, поставила всё, что было из достойного на этот вечер: гречневую кашу с гренками, солёные огурцы, квашенную с клюквой капусту, мочёную бруснику, даже бидончик с домашним пивом. Словом, пир на весь мир. Выпили и закусили.

Павел вёл себя уже привычно для Нади: очень скованно, как будто просеивал, взвешивал, пробовал на зуб и на ощупь каждое слово. Девушка, естественно, тоже помалкивала. Хорошо ещё, что брат и сестра расшалились, – им так редко приходилось видеть у себя гостей! Для них это такое развлечение! Да и мать трещала почти без умолку. Может, компанию хотела поддержать, а может, просто потому, что выпила лишку пива.

Однако время шло, скотина, несмотря на все призывы, оставалась некормленной, на улице стояла уже чёрная ночь, не видно было ни зги. Вскоре и на столе из съестного почти

ничего не осталось. Для младших новизна впечатлений постепенно померкла, и они потянулись из-за стола: кто в постель, кто за тетрадки. Словом, настала пора закругляться, и Павел, хотя и тугодум, тоже это раскусил.

– Ну, я пошёл.

Вот и ладно: пошёл так пошёл, Надя даже этому обрадовалась. «Давно бы так!» Мать, правда, судя по выражению лица, выглядела чем-то разочарованной, словно что-то пошло не так, как она задумывала.

– Да куда ты пойдёшь? – резонно заметила она. – Погляди, ночь уж на дворе, переправа давно не работает. Вплыв нешто будешь добираться? Оставайся у нас!

– А у меня там лодка привязана, – возразил Павел. – Я ведь сюда к вам на лодке.

А-а-а, ну раз лодка... Да и не жаждет человек оставаться – пусть поступает как хочет.

Однако, когда Павел уже совсем собрался уходить, мать строго заметила:

– Проводила бы человека, Надя! Тёмно. Не ровён час, повернёт куда не туда, скатится в овраг. На вот! – подала она дочери фонарик. – Посветишь, ежели чего.

Ух, как Наде этого не хотелось! Но мать смотрела строго, и дочка, хотя уже давно вышла из материнского подчинения, решила не перечить.

– Ладно, пошли, – небрежно кинула она Павлу. – Токо быстро! У меня ещё делов впереди воз и маленькая тележка.

Шли молча. Надя чуть впереди, обозначая дорогу, чувствуя затылком дыхание спутника. Сплошная темень, и Павел пару раз наступил ей на пятки.

– Ну ты чего? – огрызнулась она. – Не такой уж и пьяный, как притворяешься. Иди ровно!

«Вот тенёто. Право слово, тенёто. Навязался на мою шею! И чего ему от нас понадобилось?..»

Лодку Павел оставил привязанной в небольшой бухточке. Здесь, на берегу, было немного светлей: впереди, на пригорке, испокон века стоял бакен, подмигивая приближающимся судам, предупреждал о подстерегающей их здесь мели.

– Ну я пошла, – обронила Надя, едва решив, что сполна и добросовестно выполнила свой долг.

Едва успела произнести, как почувствовала, что две крепкие мужские руки ухватили её: одна вцепилась в ватник на груди, другая, как удав, обвилась вокруг шеи. Надя что было сил рванулась, что-то при этом затрещало. Рука, что была на ватнике, ослабла, зато другая, обнимавшая за шею, словно усилила давление. Перед зажмуренными Надиными глазами замельтешили багровые светлячки, у неё перехватило дыхание. Однако недаром она день за днём, по утренней зорьке, в полдень и на закате, выдаивала своих коровушек. Недаром помахивала вилами, играла косой. Пошли ей впрок и другие

перепавшие на долю непрехотливые забавы: то с пилой, то с колуном. Силёнок у неё, оказывается, было не меньше, чем у только что прошедшего воинскую закалку дембеля.

Они состязались уже минут пять, молча, только издавая нечленораздельные звуки, действительно как два зверя под обильно сыплющимся с чёрного неба холодным дождём, то падая, елозя спинами по мокрой земле, ползая на коленках, то вновь подымаясь. И вдруг... раздался какой-то стук: твёрдое соприкоснулось с твёрдым. Обхватившие Надю руки Павла мгновенно ослабли, разжались, она же не замедлила этим воспользоваться: бросилась наутёк, в темноту, благо супротивник даже не пытался её преследовать.

Только отбежав на какое-то расстояние, Надя остановилась. Утихомиривая расшалившееся сердечко, восстанавливая нарушенное дыхание, она прислушалась. Тихо. Можно различить лишь, как брехает на ближайшем подворье почуявшая какую-то опасность собака.

«Дурило, – мысленно обозвала она Павла. – Ну какой же он дурило!»

И вдруг ей стало любопытно. Что же приключилось с этим неудачливым, посрамлённым ею насильником? Почему он ни с того ни с сего угомонился? Что тому было причиной?

Ещё с минуту она поборолась с искушением, потом, стараясь идти как можно тише, вернулась.

Едва раздвинула две пригнувшиеся к земле, отягчённые дождевой влагой еловые ветки, как увидела нечто тёмное,

что сидело привалившись спиной к огромному серому валуну. Догадалась – Павел. Ещё немного постояла, потом решила спросить:

– Ну и чего? Чего ты расселся?

То тёмное, что казалось Павлом, молчало, даже не пошевельнулось. Тогда Надя зажгла фонарик. Да, это был он, мокрый, жалкий, грязный, одной ладонью упиравшийся в землю, другой накрывший себе затылок.

– Чего, занемог? – не без ехидства, испытывая чуточку окрыляющее, пьянящее ощущение победительницы, поинтересовалась Надя. – На фиг ты вообще тут нужен?! Вот и получил, чего хотел!

Павел по-прежнему молчал. Хоть бы ругнулся как-то... Всё б полегче стало. Но он был... как этот камень. Только чуточку ворохнулся, вытянул из-под себя, видимо, онемевшую ногу. Что ж, значит, живой.

Надя ещё немного постояла, посветила и решила подойти поближе. Теперь она разглядела, что пальцы лежащей на затылке руки, щека и шея Павла обагрены кровью. Крови было много. Сейчас он смотрел на возвышающуюся над ним Надю виновато и как будто просил о помощи.

– Зашибся, что ли?.. Сам виноват! – Павел по-прежнему молчал. – Ну и чего мне теперь прикажешь с тобой делать?

Каким бы виноватым этот человек не был перед Надей, она сама нисколько не сомневалась: оставить его сейчас в беде, бросить на произвол судьбы никак нельзя. Не по-чело-

вечески. Надо выручать.

– Ты через Волгу-то в таком виде переправишься?

– Попробую, – голос был слабый, неуверенный.

– Ладно, – вдруг решила она, – эту ночку у нас переночуешь, я тебя на сеннике в сараюшке укладу. Утром, чай, оклемаешься... Давай подымайся! Я тут с тобой до утра прохлаждаться не собираюсь.

Павел не без труда поднялся на ноги.

– Стоишь?

– Да вроде...

– Тогда пошли.

Всю обратную дорогу парень шёл впереди, а Надя, как конвоир, только без ружья, неотступно, подсвечивая фонариком, следовала за ним.

Мать, видимо встревоженная долгим отсутствием дочери, встретила возвращающуюся парочку уже за калиткой перед домом.

– Он поскользнулся, головой ударился... – не дожидаясь вопросов, первой объяснилась Надя. – Пусть у нас в сараюшке отлежится, завтра утром уедет.

Мать не возражала:

– Подымись на потолок. Матрас там увидишь, одеяло. Уклади человека как надо. Да щели в сараюшке-то позаткни! А то там сифонит со всех сторон.

Когда Надя возвращалась с очередной утренней дойки, даже мысли не держала, что Павел может задержаться, не улизнёт специально, чтоб ещё раз – лицом к лицу – не встретиться с той, с кем так грубо обошёлся накануне. Но нет! Вновь издалека она увидела его сидящим на той же зава- линке, надувающим кирзовый мяч. Напротив на корточках – младший Надин брат.

Увидела – и немного испугалась. На скотном дворе у одной из коров, за которыми ухаживала мать, молоко сдоилось с кровью, и мать задержалась, поджидая ветеринара. Конечно, Надя могла бы остановиться на каком-то безопасном расстоянии; ноги у неё резвые, чуть что – припустит так, что мало кто догонит... Однако сдерживало присутствие брата. Что он подумает, если догадается, что его сестра кого-то боится? Дразнилками потом затравит. Поэтому, хоть и с опаской, прошла за калитку.

Первым делом набросилась на брата:

– А ты чего волынишь? Почему не в школе?..

– У нас училка заболела.

– Ври больше!

– Вот те крест!

– Сначала бы креститься как надо научился!

– Сначала научи, как надо!

Больше с братом Надя препираться не стала, тем более что он сам счёл за лучшее убраться в дом. Надя и Павел вновь остались один на один.

– Слушай... – начал он своё, видимо, уже заранее обдуманное объяснение. – Ты на меня не держи за то, что вчерась... Сам не знаю. Я не хотел, честное слово. Моча какая-то вдруг в башку ударила...

«Моча – это точно. Да ещё какая!»

– А вообще... давай друг с дружкой дружить.

«Ишь чего захотел!»

– Некогда мне ни с кем дружить! Не с руки. На мне – во-он... орава какая.

– Ты б к нам переехала... А что? Дом у нас большой. На всех места хватит.

– С какой это стати мне и вдруг к вам... переезжать?!

– Так... Мы б с тобой... заодно. Словом... как законные... муж да жена... Я знаю, мне сеструха говорила, у тебя сейчас никого. Ну и я тоже. Я же не просто так. Я это самое... любить, что ли, тебя буду... Ты мне сразу, как в последний раз увидал, прямо с ходу глянулась. Ты не смотри, что я вчерась с тобой... Говорю тебе, нашло вдруг на меня. А вообще-то я... Всё у меня путём. И специальность есть. Я и шоферить, и по строительству могу...

Надя слушала, что ей бубнит Павел, не перебивала и... едва сдерживала готовый вырваться из её груди смех. Да что же это такое?... Да как вообще такое может быть, чтобы она

жила под одной крышей с этим... запупырышем?! Кто он ей? Какое право имеет предлагать... такое?! Она по-прежнему знать его не желала. И при чём здесь, спрашивается, его дом, когда у неё свой есть? Ей пока и здесь хорошо.

– Ну, ты чего молчишь? Скажи хоть чего-то-нибудь.

– Нечего мне тебе говорить. Я пока не знаю.

Сказать «Да пошёл ты...» всё же сочла, пожалуй, излишне грубым.

– А когда узнаешь?

– Тебе что, совсем невтерпёж? Так вот уж прямо – ложись и помирись? Подождать, что ли, не можешь?

– Почему не могу? Подожду... Токо не очень долго... И дай знать, когда чего удумаешь.

На том и расстались.

8

Поздним вечером, когда все в избе уже улеглись, Надя решила поговорить по душам с матерью.

В тот день они протопили печь, и Надя улеглась на ещё источающих тепло кирпичках, разумеется предварительно побросав под себя пару ватников. Мать, как всегда, улеглась на широкой двуспальной кровати, одним своим краем прилегающей к натопленному печному боку. Младшие брат и сестра спали на своём привычном ложе – для каждого было постлано на широких, огибающих горницу скамьях.

Однообразно и усыпляюще постукивал безудержно снующий маятник на часах-ходиках. Глубоко из подполья доносилось утробное кошачье мяукание, то был уже многолетний, испытанный ухажёр их домашней кошечки Нюрки. Она понесла от него не один приплод.

Это, собственно говоря, мяукание и подвигло Надю на то, чтобы открыться.

– Мам... Ты ещё не спишь?

– Да нет.

– Слушай... – Чтобы не говорить громко, Надя стала на коленки, подвинулась поближе к краю печи и чуть свесила голову. – Меня ведь сегодня в невесты сватали... Пашка... Ну этот, вчерашний, кошкинский... Я, как услышала, чуть не упала.

Надя полагала, что мать сейчас, как только услышит, заполошится, забросает дочь вопросами, но та молчала.

– Слышишь?

– Да слышу, слышу...

– Он говорит, а меня почему-то прям смех разбирает. То же мне, жених какой выискался!

– А что? Чем он, по-твоему, не жених?

– Ну как это «чем»?! Посмотришь на него – ни рожи ни кожи.

– А тебе кого надо? Артиста, нечто, какого?

– Ну не артиста, конечно... Почему токо артиста? Но всё равно хоть бы покрасивше немного был... Да взять хоть па-

пу, допустим, моего, каким он по молодости был. Чтоб влюбиться в него без памяти! Тогда токо и в невесты, а не раньше.

– Глупая ты ещё, Надёна... В чём-то умная, ничего не скажешь, и книжек начиталась, а в чём-то глупая. «Влюбиться»! Эка чего захотела! Это токо в книжках твоих токо что и делают, что влюбляются. Больше-то ничего не умеют. А по жизни ты смотри, чего у человека за пазухой есть...

Надя чувствовала, что мать в чём-то права.

– Может, лучше ни за кого не выходить? Можно ведь и одной...

– Не, мужик всё одно нужен, – возразила мать. – Вон возьми хоть бабу Алёну...

Баба Алёна с мужем успела пожить не больше недели, да же ребёнка не зачала, как грянула война. С войны муж не вернулся, так всю жизнь одна и прожила.

– Чуть что – крышу покрыть, дровишек с лесу подвезти, картошку окучить – ищи кого-нибудь, поллитруху готовь. Да ещё при этом попроси, на колешки перед ним, а он ещё изгаляется. Это ж тоже не жизнь! Да и детишки вроде нужны. Как же без детишек? Они ж тебя обихаживать будут на старости лет. Об этом ведь тоже заране подумать надо.

– Так, значит, по-твоему, мне соглашаться?

– Не. Надо не надо – ты сама про себя решай. Я токо к тому, что жить-то с умом надо, а не то что «красивый – некрасивый»... Да он, по-моему, не такой уж и урод. Чего тебе

вдруг в нём так не поглянулось? Ну, может, тощей, так ведь это дело наживное, мясо-то себе всяко нарастит, были б кости. А тощие, я тебе скажу, даже лучше. У них, я давно заметила, всё как-то сноровистее получается, ленятся меньше.

– Ну, допустим, выйду я за него... Я ж уеду от вас. Останешься тут одна. Ничего? Не боязно?

– Ничего. Как-нибудь... Да и Колька с Олюшкой подрастают. Скоро мне в помощники будут. Так что ты про нас не думай! Ничего, справимся, нам не впервой. Ты свою судьбу бабскую устраивай.

9

Свадьбу справили в начале декабря, когда предзимние хлопоты в основном были уже закончены: озимые давно посажены, собранные этой осенью овощи перебраны и укрыты, печи подмазаны, крыши покрыты, а простенки, где надо, утеплены.

Справляли свадьбу в два этапа. Первый день в Сосновцах. Отчасти из-за того, что Волга к этому времени ещё не успела как следует стать, лёд схватил реку ненадёжно и многие из родственников молодожёнов, особенно пожилые, остерегались по нему идти. Другая причина крылась в венчании. В самом Кошкино такой возможности не было: Успенский собор с незапамятных времён использовался под какие-то склады, зато в селе Охотино церковь была открыта и даже

батюшка имелся. Правда, совсем-совсем старенький. И голос у него был тихий-тихий. Настолько тихий, что во время венчания почти никто, в том числе и молодые, ничего не разобрал. Что, в общем-то, было и не важно, поскольку ни Надя, ни Павел в Бога, естественно, не верили и, будь на то их воля, вообще бы обошлись без венчания. Вот ЗАГС – другое дело.

На следующее утро молодые и часть родственников перебрались в Кошкино, и свадебное торжество возобновилось с новой силой.

Дом у Федóрычевых (такой теперь была Надина фамилия) оказался действительно вместительным – пятистенок, никакого сравнения с её скромным отчим домишком, и франтоватым: резные оконные наличники, такие же резные, крашенные кружева-подзоры по всему фронтому и деревянный петушок на крытой железом крыше. Молодым выделили отдельную половину. Одарили полдюжиной кур, парой гусей, одним подвинком – для начала вполне достаточно. Снабдили всем необходимым для жизни – мебелью, посудой, постельным бельём. Словом, живи да радуйся.

К мужу Надя постепенно привыкла. Перестала замечать его худобу. И не то чтобы он стал ей нравиться, но и больших изъянов в его внешности больше не находила. Ссориться ссорились – как же без этого? Особенно когда лишку выпьет. Бывало, доводил Надю до слёз. Но зато и мирились. Не могло её не радовать, что Павел действительно оказал-

ся справным хозяином, не лентяем. Устроился на работу автослесарем в ПМК. Сама же Надя предпочла работу в валяльне. Дело это ей было отчасти привычно: у них в доме какое-то время держали овец, и, как обращаться с овечьей шерстью, она уже худо-бедно знала. Это-то и решило её выбор в пользу валяльни. Потом, правда, пожалела: могла бы с её грамотностью найти себе что-то достойнее, но... Как сразу получилось, так и получилось, а бегать с места на место – не в её правилах. Таких «побегушек» она сама не уважала. В валяльне испробовала на себе все стадии обработки: и на «волчке», где первый раз разбивают доставленную из местных деревень шерсть, и в чесальне, и на обмолотке, и в катальной, и на растяжке, и даже постояла у сушильной печи. Всегда и везде, на любой операции, отличалась исключительной добросовестностью, пользовалась неизменным уважением и товарок по ремеслу, и начальства. Её при каждом торжественном поводе хвалили, премировали, фото никогда не убиралось с Доски почёта. Лишь время от времени, по мере того как бежали годы и неизбежно старилось её лицо, один снимок сменял другой. Словом, была, что называется, человеком на своём месте.

Так же внешне неброско, но вроде удачно складывалась её женская доля. Через год после свадьбы родила дочь Лиду. Через два года – дотерпели до момента, когда покинут общий дом, переберутся на квартиру в доме городского типа на улице Газовиков, – подарила мужу сына. Назвала его в па-

мать о своём отце Николаем. На этом с семейным пополнением Федорычевы решили закруглиться. Ещё через какое-то время Павел ушёл из ПМК оператором на открытую в 1971 году компрессорную станцию от «Севергазпрома». Жалование там было заметно больше, а продуктов к столу поразнообразнее: для работающих «на газу» функционировала специальная лавка со снабжением товарами напрямую из Москвы.

Так, в относительном благополучии, без ощутимых потрясений, не испытывая больших радостей, не получая ярких впечатлений и в то же время избегая крупных размолвок, деля жизнь между работой и домом, Федорычевы прожили вместе двадцать два года. Старшая дочь к тому времени успела выйти замуж. Мужем её стал местный парень, на момент свадьбы оканчивающий военное училище в Ярославле.

С сыном же вот какая история. Проблемы начались прямо с его рождения. Он появился на свет недоношенным, весом около девятисот граммов. Этим, возможно, объясняется, что ребёнком он был хилым. Чем только ни переболел! С годами, правда, выправился, но в армию его всё равно не взяли. Нашли какой-то шейный плексит. Он же с великой радости, что избавился от армейской лямки, взял да и обзавёлся другой уздой: скоропостижно, года через полтора после школы, на девятнадцатом году оженился!

Жену выбирал по себе. Из бывших одноклассниц. Из местных. Поставил мать и отца, как говорится, уже перед

свершившимся фактом, когда по штампу в паспорт получили. Павел отнёсся к этому спокойно, а у Надежды Николаевны сердце защемило: во-первых, сыну бы ещё погулять, а во-вторых, уж больно нехорошая числилась за новоявленной невесткой репутация. Каких только сплетен вокруг её походов по Кошкино ни гуляло! Попробовала было по праву матери открыть сыночку глаза – но куда там! Слушать не захотел. Жить молодые устроились у родителей невестки: у них жилплощадь была попросторнее. Федорычевы остались одни.

10

Только отыграли свадьбу сына, тут уже пора и самим Федорычевым справить двадцатидвухлетие собственной свадьбы. По завершении застолья изрядно выпивший, еле державшийся на ногах Павел пожелал проводить гостей. Федорычевы жили на третьем этаже. Немного не добравшись до первого, Павел оступился и упал. Правда, само падение обошлось без серьёзных последствий. Только ударился головой и набил шишку.

Со дня торжества прошла примерно неделя, когда Павел пожаловался жене, что у него под мышкой «чего-то жгёт». Надя заглянула и заметила, что поселившаяся здесь ещё с незапамятных времён крупная родинка исчезла и на её месте разрослось багровое, пупырчатое пятнышко. Мысленно

связала исчезновение родинки с падением мужа и пришла к выводу, что родинку он при падении просто скovyрнул. Ещё не думая ни о чём дурном, просто смазала это место йодом. Но не тут-то было! Пятнышко продолжало доставлять Павлу беспокойство. Более того, оно разрасталось, разрыхлялось, а в натянувшейся поверх него коже стали проступать очертания мельчайших кровеносных сосудов. Только тогда Павел счёл необходимым обратиться за советом к врачу.

Врач-терапевт, исследовав пятнышко, без разговоров направил Павла к онкологу. Специалисту достаточно было бросить один взгляд на «болячку», чтобы сразу выписать направление в ярославскую онкологическую больницу. Там Павла ничего хорошего не ждало: рак кожи, никаких вопросов. Ему предложили как можно скорее сделать операцию. Сделали. Павел вернулся домой. Однако и месяца не прошло, как все симптомы возобновились. Новая поездка в Ярославль, новая операция, ещё одно возвращение домой, месяц передышки – и всё вернулось на круги своя: заболевание дало метастазы. Тут Павел и Надежда окончательно поняли, что спасения от недуга ни в Ярославле, ни где бы то ни было ещё им уже не найти. Пришлось смириться с неизбежным.

А дальше болезнь надвигалась стремительно. Каких-то двух месяцев не прошло с последней неудачной операции, а Павел уже ослабел настолько, что не мог подняться с постели даже по нужде. Надежде Николаевне пришлось туго. Она

было попыталась вызвать к себе на помощь дочь, но та сама была уже, что называется, на сносях. Попробовала разными посулами завлечь к себе новоявленную кошкинскую невестку Лариску. Не тут-то было. Даже глазом не моргнула и ухом не повела. Да, начинали сбываться недобрые предчувствия Надежды Николаевны.

Стоял поздний май 1992 года, когда мужа не стало. Грешно говорить, но его смерть принесла Надежде Николаевне какое-то облегчение. При этом слёзы тоже были. Как же без них? Как-никак, двадцать два годочка совместной жизни... Пролетели как-то незаметно. Связали их воедино. Уже выросли один в другого.

После похорон, когда отошла от скорбных забот, когда наконец выдалась пара-другая праздных минут, как будто посмотрела на себя со стороны. Той прежней, наивной, робкой девочки, вынужденной на рассвете, спотыкаясь во тьме, в любую погоду, без выходных, ходить на скотный двор, уже не существовало на свете. А была отнюдь не молодая (шёл сорок четвёртый год), успевшая основательно устать от жизни женщина, без пяти минут бабушка. Если б сейчас ей кто-то сказал, прошептал на ушко, что самое значительное в её жизни ещё только предстоит, что её ждут головокружительные перемены и она взлетит так высоко, что аж дух займётся, а потом ото всего обрётённого, достигнутого, «заграбастанного», как будут выражаться некоторые её недоброжелатели и завистники, будет добровольно избавляться, – если бы обо

всём этом она услышала, то ни за какие бы коврижки не поверила. Подумала бы: «Ну и ну! Врать – не мослы жевать, не подавишься. Хотя врать-то ври, тебе никто не воспрещает, но и не завирайся!»

Глава 2

Она проснулась

1

У Надежды Николаевны имелась давняя привычка про-сыпаться ровно в шесть, независимо от того – надо ли ей на работу или она сегодня выходная. Впрочем, такого она бы и не припомнила, чтоб у неё было хоть одно свободное от забот утро... Вот и сегодня с поминок осталась гора немытой посуды.

А утро выдалось дождливое. Надежда Николаевна только сунулась было на балкон – вспомнила, что повесила там накануне скатёрку, – её тут же обдало дождевой пылью. Небо обложено чёрными тучами. И как-то сразу захотелось вернуться в тёплую, уютную постель, укрыться одеялом, подоткнуть его, чтобы не просочилось ни струйки прохладного воздуха. В итоге так и сделала: легла и укрылась, а через пару-другую минут беззаботно уснула.

Когда вновь проснулась, день уже был в полном разгаре, небо освободилось от туч, светило яркое солнышко. Подымаясь, Надежда Николаевна почувствовала себя совсем другой, чем накануне: действительно окрепшей, отдохнувшей.

Чуть-чуть поклевала из того, что оставалось с поминально-го ужина, и решила приняться за мойку посуды. Обнаружила, что нет ни порошка, ни – на худой конец – хозяйственно-го мыла. Решила попросить у соседей. Позвонилась в одну дверь – ей никто не ответил. Позвонила в другую, и вновь тишина. Наконец, когда уже собралась было спуститься эта-жом ниже, из-за двери раздался детский голос:

– Кто там?

– Машенька, это я, тётя Надя. А где твоя мама?

– На работе.

Подумала: «Как на работе? Сегодня же воскресенье». Однако допытываться у ребёнка не стала. Спустилась на этаж ниже и ещё раз позвонила. На этот раз ей незамедлительно открыли: в этой квартире жила пара престарелых пенсионе-ров, и они всегда были начеку.

– Ой, Надюшенька! – обрадовалась пожилая соседка. – Заходи, заходи... Спасибо тебе, так нахорошо мы все у тебя посидели! Такое удовольствие получили! Земля твоему Павлу пухом.

Уже стоя в прихожей в ожидании, когда ей принесут что-нибудь моеющее, Надежда Николаевна бросила взгляд на от-рывной настенный календарь. Листок на календаре был чёр-но-белым, на нём стояла дата: июнь 8, понедельник.

«Почему понедельник, если сегодня с утра было воскре-сенье?!» – ещё раз удивилась она. И когда соседка вернулась, решила уточнить:

– А почему у вас на календаре понедельник? Разве сегодня не воскресенье?

– Так... – соседка сначала вопросительно глянула на Надежду Николаевну, как будто не поняла вопроса, потом перевела взгляд на календарь. – Да не, с чего ты взяла, что сегодня воскресенье? Вчерась было воскресенье. А сегодня, выходит, понедельник.

«Вот это да! Выходит, я целые сутки как убитая проспала?! Так, что ли, получается? Ничего себе! Мне же давным-давно надо быть на работе!»

Бросилась к себе. Первым делом, как занесла ногу через порог, глянула на часы: скоро полдень! «Проспала, проспала!...» Такого с ней за всю её долгую трудовую жизнь никогда не случалось. Лихорадочно оделась, выскочила на улицу... Ей в ноги бросилась беспризорная собачонка – Надежда Николаевна частенько её прикармливала, но сейчас было не до того.

– Ой, да отстань ты! – побежала трусцой по безлюдной улице.

Собачонка, видимо решив, что с ней затеяли какую-то игру, восторженно лая, помчала следом, делая вид, что вот-вот укусит за пятку.

«Позорище-то какое! С каким лицом я сейчас явлюсь перед начальством?.. Вот такая передовая, ага... “Равнение на Надежду Николаевну Федорычеву!” Лучше б самой умереть, честное слово!»

Бежать пришлось долго, поскольку Федорычевы жили в районе новостроек, а валяльня, как открылась почти век назад на краю старого посёлка, с тех пор там и стояла, от дряхлости аж в землю вросла. Уже на полпути Надежда Николаевна почувствовала, что бежать дальше не в состоянии: стала задыхаться. Остановилась, прислонилась спиной к фонарному столбу.

В это время проезжала на велосипеде хорошо знакомая ей почтальонша.

– Чего с вами? – остановила велосипед.

– Ой и не спрашивай! На работу проспала.

– Ну и ладно, – успокоила почтальонша. – Делов-то? Вы вон какая... Вы заслуженная. Вам проспать можно.

Обронила, поехала дальше, а Надежда Николаевна подумала: «И в самом-то деле... чего уж я... так? Ну проштрафилась... один-то раз. За всю-то жизнь. Есть на то и уважительная причина. Как-никак мужа накануне похоронила. Да и... разве мало я за всё время, как работала на валяльне, оставалась на сверхурочные? Бывало, конечно, чего-то за это и подбросят, но чаще одним спасибо отделаются или очередной грамотой наградят».

Так подумала – и сразу успокоилась, и сердце тревожно биться перестало. А ещё через пару минут, когда уже не бежала, а брела вдоль улицы, почувствовала: ей так не хочется в валяльню! Под эти низкие, как в каком-нибудь каземате, потолки, где даже в разгар летнего дня приходится зажигать

тусклый электрический свет. В этот смрадный, напоённый испаряющимися кислотами, пропитанный пылью воздух...

А день стоит такой замечательный! Солнце в зените. Лето в самом зачине. Зелень ещё не успела пожухнуть, повянуть. Из-за свежепокрашенных заборов выглядывает только что распустившаяся черёмуха. Над головой то и дело проплывают спешащие от соцветья к соцветью майские жуки, снуют пчёлы, шмели. А какой птичий гам поднялся, когда ступила на при базарную площадь! Кого только тут нет! Воробьи, голуби, вороны... Все, кто уже привык жить на дармовщинку. Тут же, растопырив ноги, поводя ушами, стоит молодой жеребёнок. Его мать, запряжённая в повозку, терпеливо ждёт у продуктового склада. Из его подвала хорошо знакомые Надежде Николаевне крепкие, мускулистые мужички выносят тяжёлые мешки, грузят в повозку...

«А не пойду я сегодня на работу! – вдруг решила она. – Всё равно уже поздно, день пропал, а завтра выйду и вся как есть, как на духу объяснюсь. Авось... не убьют же меня за это...»

2

Подумано – сделано. Надежда Николаевна широким, решительным шагом вернулась домой, разделалась со злощастной, дожидаящейся её с поминок посудой, постиралась, прибралась в квартире.

На своём рабочем месте (последнее время ей приходилось трудиться у барабанов, где стирались заготовки валенок) появилась только на следующее утро. И в общем-то надежда, что прогул сойдёт ей с рук, оправдалась. Начальство отнеслось с пониманием, только мастер укоризненно покачала головой: ей самой вчера пришлось «отдуваться» за прогульщицу. Надежда Николаевна облачилась в прорезиненную робу, натянула на руки длинные, почти до локтей, резиновые перчатки и приступила к работе.

Барабанов было много, все они теснились в длинном узком коридоре, в них булькала вода. В одном месте, видимо, исхитрилась появиться лазейка, поскольку жидкость выбивалась наружу, стекала крохотным ручейком, а на крутом повороте иногда с шумом и фырканием попросту выплёскивалась фонтаном. Хоть мастер и потрудились вчера за Надежду Николаевну, но явно со своим заданием не справились (сноровки не хватило) – дел накопилось много. Надежде Николаевне, чтобы справиться со всем этим, даже пришлось поступиться обеденным перерывом. Ближе к концу рабочего дня она почувствовала себя невероятно уставшей, и ноги под ней как будто стали подламываться.

– Тётъ Надь, ну ты чего? – мимо пробегала мастер, ей не было ещё и тридцати, она излучала энергию.

– Сама не знаю, – честно призналась Надежда Николаевна. – Чего-то вдруг... как-то... не по себе.

– Ну ладно, ты всё ж таки держись, – посоветовала мастер

и убежала.

«А я что делаю? – не без неприязни подумала Надежда Николаевна. – Шустрая какая!»

Она, кажется, впервые за многие годы почувствовала какую-то вражду к тем, кому повезло в жизни хотя бы ненамного больше, чем ей самой, тем, кому удалось ещё где-то поучиться, пробиться хоть в какое-то начальство. «Я бы тоже могла». Она никогда не забывала, какие похвалы получала в школе за своё усердие, на что рассчитывала и настраивала себя в те далёкие времена. Что за труд – пробежаться несколько раз за день, кому-то за что-то дать взбучку, где-то что-то подправить? Опыта, так же как и природной смекалки, ей не занимать. Могла бы, возникни в том нужда, заменить любого из начальников (кроме разве бухгалтерии). Беда только в том, что не обзавелась формальным правом на это («Без бумажки ты букашка»). Всё это когда-то отняли у неё сначала скотный двор, потом семья, дом... Ну и сама, конечно, виновата, что вовремя не подшустрила.

И вдруг возникло желание насолить тем, кто волею случая вознёсся над ней, простой труженицей. А насолить она может вот как. Самым наипростейшим образом. «Возьму-ка я и слиняю – назло всем – в законный отпуск!»

С отпусками в валяльне всегда была напряжёнка: рабочих рук не хватало, заслуженный отдых приходилось выпрашивать чуть ли не на коленках. Вот и с Надеждой Николаевной вышла та же заморочка.

– Ну ты, Николаевна! – только и нашёлся вначале что сказать самый главный по части отпусков, замнач по производству. – Вроде как мы с тобой так не уговаривались. Дай хоть нам этот квартал добить. А там, так уж и быть... Коли тебе так приспичило.

До конца квартала оставался почти целый месяц. Да и «так уж и быть» совсем не обнадёживало.

– Не, мне прямо сейчас надо.

– Да что с тобой вдруг такое стряслось?.. – занервничало начальство. – Ну мужа похоронила. Это мы очень даже хорошо понимаем. Сочувствую тебе! Все сочувствуют. Так горе-то лучше всего как раз работой и пересиливается. Всё лучше, чем сидеть сложа руки да плевать в потолок.

– Я сидеть сложа руки не стану.

– А чего собираешься делать?

Говоря по правде, Надежда Николаевна и сама пока этого не представляла. Однако в ней жила убеждённость, что занятие себе какое-то она обязательно найдёт.

– Дайте мне передохнуть, Семён Ильич... Я же у вас никогда за так ничего не просила. Верно?

– Верно, верно – вздохнув, согласился замнач. – Ты у нас всегда была безотказная. Ладно! Режешь ты нас без ножа, но раз на тебя такая охота напала... Давай, где там твоя бумажка? Так уж и быть – подмахну.

Этот день как был с утра пасмурным, таким и оставался. Но стоило лишь Надежде Николаевне выйти за воротца с за-

жато́й в руке заветной разрешительной бумажкой («Отпускаю!»), солнце одним своим боком выглянуло из-за облаков. «Ну-ну, – как будто говорило оно довольной отпускнице, – посмотрим, что у тебя из твоего отпуска получится... Куда, интересно, и на что ты его потратишь?»

«Да уж потрачу, не переживай так за меня!» – ещё до того, как его закрыло набежавшее облако, успела подумать она.

3

Домой намеренно возвращалась не спеша. Уж и запомнила, когда в последний раз шла вот так, едва переставляя ногу за ногу. Да и было ли когда-нибудь в её жизни такое? Вечно куда-то торопилась, едва успевала, даже по сторонам остерегалась смотреть, чтобы не тратить время на пустяки. На этот раз Надежда Николаевна заставила себя чуточку свернуть с привычного пути. Праздно прогулялась по Верхнему бульвару, села на только что оставленную парочкой молодых скамеечку на берегу Волги.

Почти прямо перед нею, на другом берегу, высвечивалась под лучом уже заходящего солнца наполовину укрытая строительными лесами маковка охотинской церкви, той, где когда-то венчались молодые Надя и Павел. Пока смотрела на маковку, в поле её зрения показался белоснежный теплоход и до слуха донеслась беззаботная музыка. Отсюда, где она сидела, пассажиры представлялись крохотными муравьиш-

ками и вели себя как муравьи: часть их двигалась в одном направлении, часть – в другом. Надежда Николаевна всю жизнь провела на Волге, но на теплоходе до сих ни разу не проехала. Такое могли себе позволить только те, кто жил в каком-нибудь большом городе или у кого были лишние деньги. Пассажиры с этих теплоходов величались почтительно – «туристами». Прежде они были исключительно её соотечественниками, но в последние годы всё чаще попадались иностранцы. У них уже существовало другое, более почтительное именование – «интуристы». Во время стоянки – ну до чего ж любопытные! – гости успевали сойти на берег, заглянуть на базар. Чаще просто присматривались, щёлкали фотоаппаратами, приценивались на ломаном русском, редко что-то покупали из местных продуктов. Как какую-нибудь диковинку.

«Прогуляюсь-ка я завтра с утречка к себе в деревню, – подумала, провожая глазами теплоход, Надежда Николаевна. – Давненько там не гостила».

В отчем доме давно хозяйничала её младшая сестра Ольга. Брат перебрался на постоянное жительство в Рыбинск. Сестра работала учётчицей в леспромхозе и вроде была при муже. «Вроде» потому, что тот приехал из Приднестровья и никак не мог определиться, где ему живётся не так горько. Видимо, его не устраивало ни там, ни здесь, потому что он постоянно мотался из одного края страны в другой. Когда в Москве вроде бы установилась новая власть, а Советско-

му Союзу пришёл карачун (новость эту Надежда Николаевна подслушала у других людей, поскольку на себе никаких перемен не ощущала), Ольгин муж и вовсе застрял в Тирасполе и не появлялся в Сосновцах порядка полутора лет. Ольге он отписывал, что у них там начинается какая-то «заварушка».

От незадачливого мужа у сестры была одна дочка Света. Она уже окончила школу, пристроилась на работу поваром в столовую при доме отдыха от Мосэнерго в Охотино, а прошлым летом приглянулась какому-то гостю-москвичу, всё это время переписывалась с ним, и сохранялась надежда, что он рано или поздно позовёт её к себе.

Во время приезда Надежды Николаевны родная изба пустовала: Ольга с племянницей были на работе, но её это не смутило, она хорошо знала, где хранится ключ от двери. Благополучно открыла дверь, вошла в дом. Не могло не броситься в глаза, как всё не только обветшало, но и потеряло прежний стройный порядок. В огромном цинковом тазике ворохи нестираного белья, разбросанные по полу картофельные очистки, надоедливые, снующие туда-сюда огромные, отъевшиеся мухи. Сестра никогда не отличалась любовью к чистоте; всё, что она ни делала, носило на себе отпечаток «абы-кабы». В кого такая пошла? Непонятно. И мать и отец были опрятными. Вот и Надежда Николаевна не терпела грязь, при виде любой лежащей не на месте вещи, тряпки (даже если это был не её дом) возникало острое желание вмешаться, поправить. То же случилось с ней и сейчас. Стоило только

оглянуться вокруг, подумать: «Мать честная!» – сразу зачесались руки. Быстренько переоделась, взяла метлу и тряпку в руки.

Часа через два, удовлетворённая тем, что сделала, она усе­лась на скамье перед широко открытым оконным ставнем. Ходики на стене показывали почти четверть второго. Времени до того, как вернутся хозяева, было более чем достаточно. Чем бы заняться? Посидела, подумала. «А подымусь-ка я на потолок... Там ведь, поди, вообще чёрт ногу сломит!»

Верно. Опасения Надежды Николаевны сбылись вполне: на потолке образовалась самая настоящая свалка. Чего тут только нет! Старая кровать, на которой, вероятнее всего, была когда-то зачата сама Надежда, даже её колыбелька; тут же порванные гужи, вожжи, чересседельник. Всё густо пропитано ещё не выветрившимся лошадиным потом. Пыльные, в кляксах школьные учебники, тетрадки, дневники. Прялка, которой пользовалась ещё их давно умершая бабушка. Пож­ранные жучком старые оконные ставни. Побелённые въевшейся за множество трудовых лет мукой жернова.

Надежда Николаевна настолько увлеклась всем этим старьём, воспоминания так нахлынули на неё, что она не заметила, как пролетело время. Опомнилась, лишь когда услышала, как стукнула дверь на крыльчке. И поспешила к лeсенке.

Уже на ходу заметила на соломе какой-то предмет. Наклонилась, взяла в руку. Глиняная жар-птица! Свистулька.

Нанесённые когда-то краски поблёлкли, местами осыпались. Кончик хвоста отломан. И всё-таки ещё живая! Надежда Николаевна дунула в отверстие, и жар-птица охотно откликнулась – как будто просвистела в ответ: «Привет!»

– Кто там? – послышался сестрин голосок. – Кого туда чёрт занёс?..

– Да это я, не бойся! – Надежда Николаевна уже спускалась ненадёжной лесенкой.

– Ой! – обрадовалась Ольга. – А то я подумала, какой-нибудь ворюга забрался!

Благополучно одолев спуск, Надежда Николаевна подошла к рукомойнику, смыла с находки накопившуюся пыль-грязь. Жар-птица, как будто в благодарность за это, словно окончательно взбодрилась, ожила, и нанесённая на неё когда-то глазурь воссияла с новой, первозданной силой.

– Откуда это у тебя? – поинтересовалась сестра.

– Да с потолка с твоего, откуда ж ещё? Это, между прочим, я сама когда-то сотворила.

– Иди ты!

– У меня там ещё много такого. Надо будет только поискать.

– Слушай... – Ольга отобрала свистульку из сестриных рук, внимательно её оглядела. – Я таких ещё ни разу не видела... Это тебя папаня научил?

– Нет. Папа тоже делал, но из деревяшек. И он их совсем ничем не раскрашивал. А это... Может быть, помнишь? В

баньке женщина какое-то время жила... Тётя Вера.

Нет, сама Ольга тогда была ещё совсем мала, и в памяти у неё ничего не сохранилось.

– И что? Так это она тебя?..

А Надежда Николаевна уже задумалась. Настолько задумалась, что и не услышала последнего сестриного вопроса.

4

За три десятка лет, что прошли с того лета, Надежда Николаевна редко вспоминала о когда-то захватившем её увлечении. Только сейчас, имея перед глазами неоспоримое вещественное доказательство в виде прежде переливающейся свежими красками, а ныне потускневшей, местами словно облысевшей жар-птицы с обломанным хвостом, – память словно сбросила с себя покрывало. Или был снят кем-то преднамеренно наложенный запрет. «Интересно, сохранились ли ещё та печка и всё остальное? Да нет, едва ли... Если только чудом...»

Но чудо всё-таки случилось! Надежда Николаевна прошла в сарай, где много лет назад спрятала под соломой тёти-Верин подарок, – и вот оно, неопровержимое свидетельство. Печка была жива! Хотя и не под соломой, а надёжно укрытая рулонами когда-то неиспользованной и ныне пришедшей почти в полную негодность толи. Возможно, это дело рук покойной матери. Внутри – обильный мышинный по-

мёт. Мешочек с инструментом, кое-какие краски. Надежда Николаевна при виде всего этого добра даже прослезилась.

«Интересно, а та волшебная белая глина ещё сохранилась?.. И, если вдруг понадобится, отыщу ли я её?»

Только подумала – и сразу захватил азарт. Ничего не объяснив сестре, прихватила с собой бадейку и лопату поострее, пустилась вниз по ручью.

Место она приблизительно помнила. Отмечала про себя в детстве кое-какие выдающиеся признаки вроде бородавчатой черёмухи, берущей своё начало из одного ствола, а потом раздваивающейся наподобие змеиного жала. Где-то метрах в двух-трёх от неё и располагалась та скважинка, откуда тётя Вера черпала погружённую в сон глину.

Но прошло так много лет! С природой, как и с человеком, происходят постоянные перемены. Неудивительно, что Надежда Николаевна почти не узнавала местность. Той памятной для неё черёмухи не было и в помине. Уже отчаявшаяся Надежда Николаевна совсем было собралась вернуться не солоно хлебавши, когда до её слуха донеслось возбуждённое стрекотанье сорок. Любопытства ради она направилась в их сторону. Сороки, увидев её, ещё более возбудились, а одна из них снялась с места и пролетела почти над самой головой. От Надежды Николаевны не ускользнуло, как из сорочьего хвоста оторвалось пёрышко, подхваченное ветерком. Оно немного «поплавало», а потом спланировало на землю.

«А что, если глянуть на это место? Чем чёрт не шутит...»

Надежда Николаевна так и поступила: не поленилась пройти десятка три метров, внимательно огляделась...

«Мать моя! Да ведь пёрышко легло как раз у той заветной ямки, из которой тётя Вера черпала свою глину!»

С бьющимся сердцем Надежда Николаевна вонзила лопату в землю. Немного поковырялась... и вот оно! То, что она искала. Сняла с лопаты, понюхала, пощупала. Никаких сомнений больше не оставалось.

Теперь нужно было наполнить бадейку, ещё раз запомнить место, чтобы в следующий раз не плутать, и вернуться к отчему дому.

На обратном пути уже начало смеркаться. По идее, она могла остаться ночевать в деревне, но её тревожила мысль о кошке, оставленной в квартире без достаточного пропитания. «Нет, поеду...» Но, разумеется, не с пустыми руками, а с только что добытой глиной, печкой и инструментом. Зачем ей нужно и то, и другое, и третье, Надежда Николаевна пока даже не задумывалась.

Легко подумать – крайне тяжело сделать. Она отнюдь не забыла, каких трудов им стоило с тётей Верой перенести всё это добро в сарай. Одной никак не справиться... Но и сестра ей точно не помощница.

5

– Да поди ты, ей-богу, к Толянцу! – подсказала Ольга, когда

Надежда Николаевна поделилась с нею своей заботой. – Он тебя за поллитру на своей моторке хошь на тот край света в лучшем виде доставит.

Толяном был их односельчанин. Года на три моложе Надежды Николаевны, отчего она всегда воспринимала его как малолетку. Правда, сейчас, поседевший, беззубый, заросший вечной щетиной, он выглядел постарше.

Толяна Надежда Николаевна застала спящим на рваном, грязном матрасе, долго пыталась добудиться. Наконец удалось.

– Ну ты чё? – недовольно пробурчал Толян. – Чё ко мне пристала?

Надежда Николаевна вкратце объяснила. Толяна, едва слышавшего об обещанной поллитре, как будто обдало живой водой. Вся сонная дурь мгновенно улетучилась.

– Сделаю, Надюха! За мной не заржавеет. Но токо ты меня не оммани!

– Да не обману, не волнуйся.

– Побожись!

– Чего перед тобой божиться? Всё одно ведь в Бога не веришь.

– Неважно. Всё равно побожись.

Она небрежно перекрестилась.

– Тоды я щас.

Всё, что относилось к печке, погрузили на тележку и отбуксировали к месту стоянки моторки. Оказалось, лодка сто-

яла ровно у того камня, где когда-то Павел домогался Нади.

– Ну, Надюха, чую я, чего-то ты ещё затеяла... А почто тебе эти кирпичи? Что, в Кошкино такого добра нет?

– Не твоё дело! – обрезала она. – Ты давай заводи.

Когда вырулили, чихая мотором, на просторы Волги, уже совсем стемнело. Воспламенилось око бакена, стоящего на уже подмытой приливной волной береговой круче. Пока перерезали реку, стараясь сделать это раньше, чем подойдёт идущая со стороны Углича гружённая щебёнкой баржа, Надежда Николаевна размышляла, зачем же ей понадобилось возиться с этим, откровенно говоря, хламом? Ведь неспроста она вдруг так загорелась. Прав Толян, действительно чего-то затеяла. А чего? Она и сама пока не знает. Вспомнилось тёти-Верино: «Может, ещё пригодится в этой жизни...» Нешто ещё раз попробовать? Авось, не позабыты старые-то уроки... Что-то ещё да помнит. Пока думала-гадала, почувствовала, как ладони прямо зачесались – такое вдруг нетерпенье овладело!

– Слышь, Надюха, – затянувшееся молчание, кажется, начинало всерьёз удручать обычно словоохотливого Толяна, – ты мне вот что скажи... Вот хошь ты теперь самая настоящая, можно сказать, вдова, при полном, можно сказать, параде... И жить – не тужить теперь, выходит, будешь одна. Поди, скушно тебе будет?

– А ты что, в напарники ко мне, что ли, набиваешься?

Сам Толян похоронил жену лет пять назад.

– А чё? Хотя мы и не при параде, мог бы... это самое. И по хозяйству тебе... и воще.

Надежда Николаевна не смогла удержаться от улыбки, как только представила себе Толяна в роли своего сожителя.

– Ладно, сидел бы уж... хозяин.

– Ну как знашь. Я токо нащёт того, что без мужика тебе, попомни моё слово, всё одно долго не протянуть.

Надежда Николаевна, чего греха таить, и сама уже не раз задавалась этим вопросом. Неужто её ждёт одиночество до глубокой старости? Дети – что дочь, что сын – уже отрезанный ломоть, у них своя жизнь. Да, о каком-то спутнике по жизни она уже не раз подумывала, но согласиться, чтобы им стал какой-нибудь проспиртованный донельзя замухрёныш вроде Толяна, – такое могло привидеться только в кошмарном сне.

– Опля! – Моторка мягко ткнулась носом в береговой песок. – Куды теперь?

– Ко мне домой, куда же ещё? – Надежда Николаевна помнила, что ей одной всё унести будет не по силам.

– Не! Такую тяжесть переть! – Толян не понарошку возмутился. – Мы так заранее вроде не договаривались.

– Чего не договаривались?

– Чтоб к тебе прямо домой. Я на это прямиком не согласный.

– А на что ты согласный?

Толян немного подумал:

– Ну... ежели ты мне за это ещё хотя бы... чекушку.

– А не много ли будет?

– А, раз много, так...

Надежда Николаевна не стала с ним дальше препираться:

– Да ладно! Подавись. Будет тебе и чекушка.

– Токо так!

Добро отвезли на принадлежащий Федорычевым огоро-дик, что находился на окраине Кошкино. Оставили под на-весом небольшого сарайчика.

– А теперь давай... – Толян едва разогнул поясницу. – Го-ни... поллитру и чекушку.

«Да пошёл ты в задницу! – чуть было не вырвалось из На-дежды Николаевны. – Буду в другой раз в Сосновцах, вот и занесу тебе!»

Однако, как представила, какой сейчас вой на весь Кош-кино подымет Толян, язык свой попридержала.

– Ладно, пошли в дом, – ещё с поминок помнила, что у неё в заначке оставалось спиртное.

Первое, что сделала, когда вошли в квартиру, заглянула в холодильник. Вот беда! Обещанные пол-литра «Пшенич-ной» стояли, но чекушек не было ни одной.

– Погоди, я сейчас.

Пришлось побегать по соседям. А раз заглянула – без раз-говоров не обойдёшься. Вернулась в квартиру не раньше чем через полчаса. Толяна застала уже сидящим по-хозяйски пе-ред включённым телевизором на диване. На сиденье стула

напротив – разутые ноги в рваных, вонючих носках.

– А ну убери лапы! – возмутилась Надежда Николаевна. – Ишь... расселся тут! Вот тебе чекушка. Вот тебе и поллитра. Забирай, и чтоб больше духу твоего...

– Да погоди, Надюх... Чё ты так? Не чужие ж... Ночь уж, погляди. Давай уж я у тебя... По утрянке и уйду.

– Никаких «по утрянке». Сваливай!

– Эх, а я тебе когда-то телят помогал пасти. Знать бы...

Телят он ей помогал пасти! Вспомнил. Когда это было?

– Ну всё, я тебе раз сказала, – поднатужилась она и еле вытолкала продолжающего упираться помощника за дверь. Затем поспешила запереться на все запоры и открыла пошире окно: пусть как следует проветрится.

Нет, на мужиках, пожалуй, лучше поставить крест. И чем жирнее, тем лучше! А справиться с одиночеством ей поможет то, что в неё заложила когда-то та странная женщина, назвавшаяся тётёй Верой, – желание творить. Ей не терпелось уже, чтобы наступило утро и можно было с радостью засучить рукава.

6

Если не на словах, не в мечтах, а на деле заняться глиняными поделками, то придётся в первую очередь восстановить печь. Кто другой, кроме собственного сына, сможет помочь ей в этом непростом деле?

Надежда Николаевна, иногда мысленно сопоставляя сына и дочь, задавалась вопросом, кто же ей больше люб, кому она больше сострадает, кого чаще хотела бы видеть рядом с собой... И, как ни крути, по всем показателям получалось, что непутёвый Николай неизменно опережал её добродетельную, благополучную Лидуху. Отчего так? Бог его знает... Может, оттого, что уж больно походил он на своего деда, Надиного отца, – и своей миловидной внешностью, и какой-то неприспособленностью к жизни, неготовностью выстраивать житьё-бытьё... с умом, что ли, расчётливо. За что ни возьмётся, всё сикось-накось. Хоть стой, хоть падай.

Последние несколько месяцев Коля пристроился на новом месте: в открывшемся на базе «Сельхозтехники» цехе по производству минеральной воды. Там, при этом цехе, был в каких-то начальниках его тесть.

На следующий день после посещения родной деревни Надежда Николаевна дождалась наступления вечера и отправилась на базу к сыну в надежде встретить его, когда он будет выходить после смены из ворот. Однако время пересменки пришло, все, кому положено, покинули территорию базы, а сыночка что-то не видать.

– Николаевна!

Знакомый. С его женой она когда-то лежала в одной родильной палате.

– Своего, видать, дожидаясь? Напрасный труд! Не было его с самого обеда.

– Как это «не было»? Почему?

– «Почему» – это уж ты прямо у него спроси. Авось, ответит.

– А где ж он может тогда быть?

– Я тебе советую прямо в бар на Ленина. Он там, между нами, последнее время частенько ошивается.

Верно! Сына она застала сидящим за столом в компании с нервно-возбуждённой чернотой (их последние годы в Кошкино объявилось немало), о чём-то шумно спорящей на своём непонятном языке. В этой компании он был, кажется, единственным русским.

– Ну ты чего? – возмутилась Надежда Николаевна. – Про что тут баланду травишь?

– День рожденья у Магерара справляю, – сын был, понятное дело, пьяненьким. – Круглая дата. Четвертушка!

– Мамаша! Мамаша! – чернота, как стая мух, тут же набросилась на новую жертву. – Ай какая ты маладэц, что прышла! Садыс и ты. Мэста всэм хватыт!

– Да пошли вы! – Надежда Николаевна, не церемонясь, ухватила сына за рукав. – Всё, хватит, насиделся. Иди за мной.

Сын всегда был послушным, вот и сейчас не сопротивлялся. Чернота сразу потеряла интерес к Надежде Николаевне и больше к ней не приставала.

– Не стыдно тебе? Нормальные люди работают, а ты водку посреди дня незнамо с кем хлещешь! Доиграешься, выгонят

тебя с работы.

– Не выгонят, за меня заступятся.

Какое поразительное легкомыслие! Так непохоже на саму Надежду Николаевну с её трепетным отношением ко всему, за что бы она ни бралась.

– Дурак ты, Колька! Поплатишься когда-нибудь за такое. Останешься совсем без работы.

– Не останусь! Меня завсегда на базар возьмут. Там знаешь сколько можно за день? Тебе и не снилось!

– Эти, что ли?.. Эти тебя возьмут? Эти как возьмут, так и бросят! Нужен ты им! Останешься тогда совсем на бобах. Ну вот что... – настало время приступить к самому главному, – ты хоть и дурак, но руки у тебя всё же есть. Мне надо печку в порядок привести.

– Какую печку?

Надежда Николаевна коротко объяснила.

– А зачем?

– Игрушки буду, может, на продажу делать. На тот же базар отнесу и продам!

Мысль эта только сейчас посетила Надежду Николаевну, видимо, под впечатлением услышанного от сына, но сразу же ей понравилась.

– Думаешь, получится?

– Отчего ж не получиться? Если уж в девчонках когда-то получалось, так сейчас и подавно. Ну так поможешь или чужого кого просить?

– Да ладно... Чего ж чужого-то? Так и быть – приду, помогу.

7

Николай хоть и пообещал матери поставить печку, но с выполнением обещания не спешил. Правда, и сама Надежда Николаевна не собиралась устраивать каких-то авралов: ей прежде всего нужно было как-то благоустроить место для занятия поделками, промыть привезённую из Сосновцев глину, оставить её в покое на какое-то время. Пусть отстоится, и лишь тогда...

Вот уже лет пятнадцать прошло с тех пор, как они с покойным мужем начали обихаживать собственный огородик на окраине Кошкино. Шесть соток тщательно обработанной земли, грядки, усаженные в основном картошкой. Выращивали и другие популярные культуры: помидоры, капусту, лук, огурцы. А ещё, скорее баловства ради или чтоб потрафить подраставшим детям, – клубнику, сладкий горошек, ягодные кусты: малина, смородина, крыжовник. Одно время, когда Надежда Николаевна увлеклась пивоварением, весь часток был увешан тяжёлыми, пахучими гроздьями хмеля.

Здесь же покойным был выстроен небольшой, но добротный сарайчик, где хранился весь огородный скарб. Сюда она с Толяном и свалила привезённую накануне печку. Здесь же

создаст и обуютит себе рабочее местечко.

Надежда Николаевна присматривалась, прикидывала, как удобнее протянуть шланг с водой в сарайчик, а её соседи меж тем всюю занимались кто прополкой, кто поливкой. Пропалывать, может, ещё не стоило, но всю последнюю неделю стояла жара, с неба не пролилось ни капли. Только-только проклюнувшаяся из земли зелень, то есть всё то, что с таким старанием, отнимая время, выделенное на уход за больным мужем, Надежда Николаевна засаживала этой весной, местами уже зажухло, заскучало, явно испытывая жажду. Да, такой была открывшаяся перед ней печальная картина. Однако Надежде Николаевне разом стало как-то... «Да гори ты синим пламенем!»

Как это было непохоже на то, как они прежде с ещё здоровым мужем горбатились на участке! Да ещё детей своих понуждали. И было ради чего: огород их кормил почти всю зиму, и редко-редко когда возникала нужда сходить за каким-нибудь овощем в магазин – всё своё, всё готовенькое. Не будь огорода, им пришлось бы туго. И вот пожалуйста, нате вам – такое вопиющее безразличие!

Впрочем, мужа у неё больше нет, а дети взрослые. Что она, себя без огорода не прокормит? Как только подумала – сразу почувствовала облегчение, и совесть уже не мучила. Теперь можно заняться исключительно тем, к чему лежит душа. А она просит чего-то ранее неизведанного, непривычного, какой-то даже сказки...

Может, установившаяся тёплая, ясная погода поспособствовала или предвкусение того, как она возьмёт в руки комочек устоявшейся глины и попробует сотворить маленькое чудо, однако Надежду Николаевну не покидало ощущение какой-то необыкновенной лёгкости. Как будто сбросила с себя последних лет двадцать! Ей даже кто-то из соседей заметил:

– Да ты сама на себя стала непохожая! Моторчик нешто себе какой поставила? Порхаешь, как мотылёк!

Надежде Николаевне стало даже немного неловко за себя: ещё подумают, будто радуется, что мужа похоронила. Стала сдерживаться, одёргивать себя: чуть почувствует – опять закружилась, тут же скажет: «Стоп, машина». Намеренно начнёт двигаться медленнее. Пока вновь не забудется.

Была, однако, и ложка дёгтя в этой бочке мёда: мысль, что отпуск не бесконечен и вот-вот придётся опять выходить на работу. Чем ближе к помеченной ею в календаре чёрным крестом дате приближалось время, тем мрачнее сгущалась над ней тучка и тяжелее становилось на душе. Когда до рокового срока осталась пара дней, Надежда Николаевна твёрдо решила про себя: «Не, не пойду. Хватит с меня этой каторги! Уволюсь». О том, что она будет делать дальше, чем станет зарабатывать на жизнь и как это аукнется на её пенсии в недалёком будущем, она сейчас ни капельки не задумывалась. словно то была уже не она.

– Да ты чё-о-о?! – так отреагировал на её заявление об

увольнении замнач. – Николаевна! Да ты случаем не того?.. Столько лет отдала... Чем, каким местом ты, спрашивается, думаешь?!

Надежда Николаевна заранее предвидела, как долго и упорно её будут отговаривать, какие примерно доводы будут приводить, – и ко всему была готова, на всё отвечала чётко, немногословно, уверенно, только по делу, как отлично выучившая домашнее задание ученица:

– Больше не могу у вас.

– А где можешь?

– Ещё пока сама не знаю.

– Может, пока узнаешь...

– Нет, у вас я больше не могу.

Замнач призвал себе на помощь других; сообщая они навалились на строптивицу, стали соблазнять повышением зарплаты и обещанием не ставить на самые сложные, сопряжённые с большими физическими затратами участки. Надежда Николаевна стояла как гранит. Одного дня на уговоры не хватило. Дали ещё один день для раздумий:

– Такие дела с ходу не делаются. Ты же сук под собой рубишь! Ещё поработай своей несуразной башкой.

Думала-гадала ночь и полдня.

«В самом деле, не ошибиться бы... Не стану ли потом локти кусать?»

Окончательное и бесповоротное решение родилось тогда, когда подумала: «А что мне стоит вернуться обратно, если

почую, что без этой каторги не могу? Возьмут. С руками оторвут!» Только в голове Надежды Николаевны не укладывалось, что её может что-то позвать, потянуть, поманить опять под низкие, пыльные своды.

«И как я это вообще могла вытерпеть?! Столько-то лет! Как один сплошной серый день... Как я раньше-то, старая дурёха, не ушла?..»

8

На следующую ночь после оформления окончательного расчёта приснился ей сон. Будто в квартиру является покойный муж. Надежда Николаевна замечает, как он сначала молча, задумчиво ходит, заглядывая то в один угол, то в другой, стараясь при этом не смотреть в сторону лежащей на кровати под одеялом жены. При этом Надежде Николаевне совсем не страшно, скорее, любопытно: что дальше-то будет? Походив и поискав чего-то, Павел достал с антресолей большой чемодан, открыл его, начал закидывать всё, что когда-то принадлежало ему лично: костюм, пару сорочек, галстуки, носки, запонки. Даже матерчатые шлёпанцы, уж на что ветхие, продырявленные на обоих пятках, и те забрал. Долго стоял и держал в руке фотоаппарат «Смена»; последний раз делал с него снимки, пожалуй, лет десять назад. Наконец положил и его в чемодан. Последними забрал зимнее пальто на ватине с вытертым воротником из крашеной собаки и шапку из

кроличьего меха. Упёршись коленом в чемодан, умяв содержимое, щёлкнул запором. Тогда только удостоил взглядом жену.

– Ну прощай, Надёна... Не поминай, как говорится... Теперь-то уж наверняка мы друг дружке не понадобится.

– Да уж, наверное, не понадобится, – охотно согласилась Надежда Николаевна, по-прежнему укрытая до подбородка одеялом. – Ты уж отжил, Паша, своё, не обижайся... А я, чую, ещё и жить-то по-настоящему не начинала.

Павел не стал спорить, просто забрал чемодан, отворил дверь и ушёл. А та так и осталась незакрытой. Пришлось Надежде Николаевне специально встать и запирать.

Сон был настолько зримым, муж Надежде Николаевне представился настолько явственным, что, проснувшись, она незамедлительно решила проверить, всё ли, что принадлежало Павлу и что он, если верить сну, счёл нужным забрать с собой, осталось или уплыло вместе с ним. Когда же своими глазами убедилась, что все его вещи на месте, даже несколько тому удивилась. Когда же спустя какое-то время поделилась впечатлениями с одной из пожилых знакомых по дому, та посоветовала Надежде Николаевне, во-первых, поставить за упокой души Павла свечку, а во-вторых, заказать заупокойную службу. «Не то привадится, так и будет у тебя над душой шастать! До белой горячки доведёт. Скоко уж таких случаев бывало».

За всю свою уже прожитую жизнь Надежда Николаевна в

церкви бывала раз-два и обчёлся: похороны отца и матери да её собственное с Павлом венчание. Другого повода, чтобы сходить помолиться, у неё до сих пор никогда не было. К тому же, если б даже такое желание и возникло, осуществить его непосредственно в Кошкино было бы невозможно за отсутствием действующей церкви. Иное дело сейчас, когда – спасибо новой власти, хоть что-то полезное для людей сделали – вновь открылся Успенский собор.

На следующий после явления мужа день, ближе к вечеру, Надежда Николаевна направилась к храму. До вечерней службы ещё оставалось достаточно много времени, поэтому, наверное, внутри было немногочисленно, но это даже было на руку Надежде Николаевне: никто и ничто не мешали ей оглядеться по сторонам, подойти поближе к иконам, внимательно всмотреться в них. Вглядываясь, она одновременно пыталась свою память, напрягалась выудить из неё хоть какие-то крохи знания о тех, кто смотрел на неё с икон. Оказалось, что ей почти ничего не известно! Из всех, кого увидела, опознала только одного Христа да Богородицу с младенцем. Неловко, заранее подсмотрев, как это делают другие, стоя напротив лика, она перекрестилась.

Свечку, как и намеревалась, поставила, службу заказала. Уже собралась было уходить, когда заметила в одном из боковых приделов кучку прихожан, стоящих в чинной очереди перед облачённым в яркие одежды, ещё относительно молодым, с плохо отрастающей рыжеватой бородкой священни-

ком. Подошла, тихо поинтересовалась, зачем стоят.

– Исповедаться, – ответил ей кто-то шёпотом.

Надежде Николаевне никогда не приходило на ум каяться в грехах. «А, была не была!..» Заняв место в очереди, она стала соображать, что же за свою жизнь такого совершила, чтобы просить прощенья у Всевышнего. Но, как ни старалась, ничего особенного так на ум и не приходило. Ну если только, может, часики...

Случилось это много лет назад, где-то после рождения дочери. Был жаркий летний полдень, и Надя решила искупаться. Спустилась пологим берегом к воде и только начала раздеваться, как заметила, что на одном из плоских камней что-то блеснуло. Подошла к камню и убедилась, что это роскошные золотые дамские часы. Должно быть, кто-то раздевался здесь ещё до Нади, искупался, а про них забыл. Надя оглянулась по сторонам – никого поблизости не было. Что же делать? Оставить часики там, где они лежали? Или всё-таки забрать с собой? После долгих размышлений, сомнений с бьющимся сердцем она всё же забрала находку, надёжно укрыла её в своей вспотевшей от волнения горсти.

Конечно, то был её грех, потому что ей следовало отнести находку в милицию, а она присвоила часики, причём никому, даже мужу, в этом не призналась. Но и пользоваться не могла, отчасти из-за того, что боялась (а вдруг увидит владелец!), отчасти – из-за сознания, что часики всё же принадлежат не ей, значит, как ни крути, ни верти, всё же ворован-

ные. Носить не носила, но и расставаться не хотелось: золото всё-таки! Приличных денег стоит.

Вот в этом, пожалуй, единственном своём серьёзном прегрешении она сейчас и покается. Решила, а потом стало как-то неловко... Во-первых, оттого, что все, кто стоял в очереди впереди неё, почтительно обращались к священнику как к «батюшке» («Какой же он мне батюшка, если я годами старше, чем он? Уж скорее я ему матушка»). Во-вторых, почти все кающиеся целовали священнику руку. Надежда Николаевна как только представила себе, что ей на виду у всех тоже придётся касаться губами плоти чужого ей человека, мужчины, – аж мурашки по коже побежали. «Нет, сегодня не стану», – решила она и, покинув очередь, вышла из собора. Тут же с колокольни донеслось звучное «ба-ам!». Все, кто был ближе к собору, сразу торопливо закрестились, а испытывающая какое-то смятение и недовольство собой (всё-таки не исполнила как подобает, что-то напортила) Надежда Николаевна, больше уже не задерживаясь, направилась в сторону родной улицы Газовиков.

9

Чем ближе подступало время, когда состояние глины позволит приступить к задуманному, тем сильнее завладевало Надеждой Николаевной нетерпение. Дня не проходило, чтобы она не проводила проверку. Верила, рано или поздно её

посетит то же ощущение готовности, которое усвоила, которое передалось ей от наставницы; не потерявшие за многие, долгие годы своей чуткости самые кончики пальцев – средоточие тончайших нервов – её не обманут.

А пока глина отстаивалась, стоило подумать, что же в первую очередь вылепят её руки, кого, какое существо она удостоит жизни. На память приходило старое, над чем уже приходилось работать: птицы, зверьки. Скорее всего, она откажется только от накола пищика. Свистульки у неё никогда как должно не получались, может, потому что у неё самой было неважно со слухом: не различала тонов и полутонов. Зато Надины творения всегда выделялись внешней отделкой, ни одно не повторяло другое, даже если это был один и тот же зверёк, за что её всегда хвалила тётя Вера: «Ты самая настоящая выдумщица! Фантазия из тебя фонтаном бьёт!»

Где-то после третьего напоминания на подмогу явился сынок Коленька.

– Короче, мамк, я там на базаре насчёт тебя уже договорился. Станешь – пальцем никто не тронет.

На его щеке красовалась глубокая, ещё совсем свежая ссадина – от уха почти до подбородка.

– Лариска, что ли, тебя так обласкала?

– Да ну её к лешему! – помрачнел сын. Ему никогда не нравились эти разговоры матери о его непутёвой жене. – Ну показывай, где тут у тебя? – Осмотрел, потрогал, покачал головой. – На какой помойке такое нашла? Давай уж лучше

заделаю тебе новую печуру. Закачаешься!

Да, в этом была подкупающая сторона её сынули: золотые руки – раз, добрая душа – два. Надежда Николаевна ласкала себя мыслью, что и то и другое Коленька перенял от неё. А всё худое – от кого-то другого.

– Новая мне и задаром не нужна. Поставь эту.

– Угостишь – поставлю.

– Я вот тебя сейчас... по затылку угощу! – Надежда Николаевна рассердилась не на шутку.

– Да ладно, ладно... Сделаем, – похоже, даже испугался Николай: мать в детстве хоть и редко, но всё-таки наказывала его.

На сборку, отладку у сына ушла почти вся светлая половина суток. Зато получилось на славу. Надежде Николаевне стоило только бросить взгляд на результат его трудов – и все сомнения, что получится как надо, отпали. Она сразу признала в творении сына ту прежнюю печку своего детства. Только та даже как будто помолодела.

– Ну как? Сойдёт? – Николай был уверен, что даже пре-взошёл ожидания матери, поэтому стоял, вытирая ветошью руки, и улыбался во всё своё смазливое, а теперь ещё и вымазанное чем-то лицо.

– Сойдёт, сойдёт, – Надежда Николаевна всегда была скупа на похвалу. – Айда я тебя покормлю.

Дома каких-то разносолов у Надежды Николаевны не было. Она совсем разленилась готовить себе обильную еду: на-

пьётся молока с хлебом – ей и довольно. О том, как приходилось когда-то кормить мужа, сколько сил, времени на это уходило, даже вспоминать не хотела. Но для сына, да ещё сделавшего доброе дело, постаралась: сварила мясной борщ на первое, котлеты на второе. Нашла и спиртное, налила с краями стопку. Даже перестаралась: чуточку перелила.

– Ну, короче... Чтобы грела как надо!

– Да не грела, а высушивала.

– Какая разница? – Сын с наслаждением опрокинул в себя содержимое стопки.

«Ох, нехорошо с тобой будет, – думала про себя Надежда Николаевна, наблюдая за тем, как жадно уплетает положенное в тарелку её чадушко, и думая при этом о невестке. – Будет тебе небушко в овчинку с такой непутёвой шалавой. Вызволить бы тебя из её лап загребущих, да не знаю, как лучше подступиться. Как бы хуже не стало».

Ну слава богу! С печкой, спасибо Николаю, разобралась. Ещё ходила в ближайший лес, насобирала, вспомнив тётки-Верины рецепты, кое-какие сучочки, травы, наколола помельче смолистых дровишек, нащепала. Вот теперь – готовность номер один. Теперь вся остановка за глиной.

А её пришлось ждать ещё полторы недели. И как же они долго тянулись! До чего же Надежде Николаевне хотелось подстегнуть своенравное время! Но вот... В очередной раз с утра поднялась, прошла к огороду. Прикоснулась. Кончики пальцев подсказали: глина проснулась.

Значит, пришло то самое благословенное время. Творить.

Глава 3

Базар

1

Утром того дня, когда наметила совершить первую лепку, Надежда Николаевна пробудилась ещё на заре, одновременно с птицами. Одна из них даже постучала клювиком в окошко и улетела не раньше, чем убедилась, что хозяйка квартиры на ногах и готова к бою.

Первое, что сделала в то утро Надежда Николаевна, – постаралась вспомнить с наибольшими подробностями увиденное ею пару недель назад в соборе изображение Богоматери (своих каких-то икон у них в квартире отродясь не водилось). Представив, мысленно коротко попросила: «Матерь Божья, пресвятая Богородица, сделай так, чтобы у меня получилось всё как надо». То была её, по сути, первая в жизни осознанная, наполненная сугубо личным неформальная молитва.

Стояло раннее буднее утро. На огородах, куда ни глянь, никого. Только ветерок расшалился, погуливает, пошевеливает полиэтиленовую плёнку, прикрывшую засаженную огурцами грядку у ближайших соседей, да каркает оседлав-

шая нижний сук на берёзе ворона. То ли так, по-вороньи, заранее радуется, что день обещает быть хорошим, то ли о чём-то предупреждает Надежду Николаевну. Мол, держи, тётка, ухо остро, иначе не ровён час...

Для начала Надежде Николаевне предстояло на время забыть, что ей идёт пятый десяток, представить себя такой, какой была тридцать лет назад, испытать – хотя бы примерно – те же ощущения... А дальше предоставить полную свободу рукам. Мышечная память наверняка самая верная, самая твёрдая. Они, если дать им волю, сделают всё сами. Тем более что нового, неизведанного, ещё ни разу не сотворённого Надежда Николаевна им пока не навязывает. Пусть это будет старый, испытанный набор. Вроде удивлённо взирающего на мир цыплёнка, или тянущей длинную с колокольчиком шею козочки, или бородатого козодоя. Всего-то с пару десятков поделок! Больше на первых порах не потребуется. Это пробное. Сигнал: «Я живая! Я есть!» А дальше – видно будет...

2

– Ну ты чего, мамк? Короче, пойдёшь когда-нибудь на базар? Или, выходит, зря я старался?

Первый, пробный «выводок» Надежды Николаевны готов – прошёл неоднократную сушку, покрыт глазурью, расписан. Уже середина лета. Пора, сынуля прав, пора нести товар на базар. Интересно, как оценит народ? Но... Ох, как не по ду-

ше это занятие Надежде Николаевне – торговать! Так противно её натуре! Была б дочка под боком – заарканила бы её. Но дочка далеко. А из Николая какой продавец? Задаром отдаст, только б поскорее отделаться. Вот и приходится самой.

В конце концов пересилило воспоминание о тёте Вере. Ей ведь тоже, поди, эта торговля не по душе приходилась. Но ведь торговала же! «А я что? Не барыня, чай... Значит, тоже смогу».

Наконец воскресным утром Надежда Николаевна собралась, уложила своих ни о чём не подозревающих глиняных «детушек» в сумку и понесла на базар. Или официально: рынок «Урожайный» при районном потребительском обществе (райпо) города Кошкино. Уже знала, где сможет встать, чтобы ненароком не залезть на чужую территорию. Сынок всё указал, растолковал: недаром по-прежнему водил дружбу с верховодящей здесь чернотой.

Место оказалось глухое, в отдалённом углу базара, народу туда доходило немного, только самые дотошные; но зато был готовый прилавок, даже навесик над ним. Чуть что, если и покапает дождь, – совсем не страшно. Из продавцов, кроме неё, были за этим прилавком совсем незнакомая и, судя по внешнему виду, приезжая из-за какой-то деревни с ворохом берёзовых веников и их местная, кошкинская, – подумать только! – с валенками. Точь-в-точь копия тех, которые совсем недавно выходили из рук самой Надежды Николаевны. Может, даже из её валяльни исподтишка и... «Несуны про-

клятые!»

Стараясь выглядеть как можно более хладнокровной и безразличной к пересудам, Надежда Николаевна разложила на прилавке свой товар и стала ждать-пождать покупателей.

А их не было. Редко кто замедлит шаг при виде глиняных безделушек. Ещё реже возьмёт в руки. Таких за полный день, что простояла Надежда Николаевна, едва-едва набралось с полтора десятка. Попадались и те, кто был знаком с Надеждой Николаевной. Подойдут просто из любопытства или сочувствия. Подивятся, пожелают удачи, но желания что-то купить не возникает. А ведь запрашивала Надежда Николаевна за свои поделки по нынешним заоблачным ценам, можно сказать, совсем ничего: двадцать пять рублей за штучку. Правда, к концу дня готова была просить и по пятнадцать – только бы купили. Но ведь никто даже ни разу не приценился! Обидно было наблюдать, как потихоньку рedeют запасы у её соседок: худо-бедно, но на веники спрос был, и валенок на глазах у уже почуявшей зависть Надежды Николаевны было продано с пять пар.

Ближе к вечеру прибежал Николай. Глаза горят. Чувствуется по всему: здорово на наживу надеется.

– Ну чего? Как тут у тебя дела?

– Как сажа бела.

Лицо у сыночка вытянулось. Облом.

– Слушай, мать... Короче... Может, тебя куда в другое место? Может, прямо перед воротами? Хошь, я с Магерамом

поговорю?

– Не надо меня никуда больше ставить! Сама, если надо, поставлюсь! Оставь в покое своих магерамов. Ты ещё меня прямо на ворота поставь! – вспылила Надежда Николаевна.

Почти сразу, как поговорила с сыном, готовая заплакать, стала собирать с прилавка свой товар.

3

Однако подошло следующее воскресенье, и Надежда Николаевна вновь появилась на базаре. Тот же прилавок. Только соседи другие – мужик с деревянными кадками и две женщины: одна с пуховыми платками, у другой – горшочки с комнатными цветами. Вновь высидела полный день. Останавливались лишь редкие любопытствующие, даже иногда вопросы задавали: «Откуда это у вас? Нешто сами делали?» Пара-другая спросили-таки: «А сколько за эту хотите?» Но не купили ни одной. У Надежды Николаевны к концу дня такая злость накипела на этих бестолковых! Так и хотелось выкрикнуть: «Эй вы, слепота! Как так можно? Не оценить такой красоты! Ну пусть у вас уже мозги с годами перестали работать, так подарите хотя бы радость своим малолеткам. Пусть хоть они позабавятся, потешатся!»

Вернувшись с базара, перекусила, легла не раздеваясь на диван.

Раздался телефонный звонок.

– Мам, привет! – голос дочери. – Что это ты там за концерты устраиваешь? Говорят, с работы ушла, какую-то ерунду ходишь на рынок продаёшь.

– Это не ерунда.

– А что это?

Голос у дочери сердитый. Разговаривает как строгая учительница с нашкодившей ученицей.

– Ты объясни мне, что с тобой происходит? Какая жожа тебе под хвост попала?.. Ты же до сих пор нормальная вроде была. Справно работала. На фиг тебе всё это, спрашивается, нужно?!

С дочерью у Надежды Николаевны никогда не складывались доверительные отношения, даже когда та была ещё безмужней. А сейчас тем более Надежда Николаевна не была расположена пускаться с ней в откровения. Ещё менее – выслушивать какие-то внушения.

– Ты чего это на меня бочку катишь?! Что у тебя, своих забот мало? Думай, чтобы муж был тобой доволен, дитю своему, коли на то пошло дело, угождай, а меня оставь в покое! У меня своя голова на плечах.

– Да гнилая у тебя, оказывается, голова!

– Гнилая, да всё одно своя! – Надежда Николаевна до конца выслушивать не стала, бросила в сердцах трубку.

Не хотела больше идти к прилавку. Видит бог, не хотела! Но после этого звонка, после того как родная дочь прошлась насчёт её умственных способностей, решила: «Нет, ещё ра-

но сдаваться... Отступиться всегда смогу. И валенки – чтоб их всех оптом купоросом пообжигало! – никуда не денутся. Постою на этом поганом, чтоб ему ни дна ни покрышки, базаре ещё».

Так и сделала – результата ноль. Даже сын потерял интерес («Не, мамк... Короче, продавец из тебя хреновый»). Больше даже не появлялся. А между тем денежные припасы у Надежды Николаевны стремительно истощались. С Павлом они жили скромно, тратились только на самое необходимое, поэтому если что и было на сберкнижке, то перед этим «что» замаячила пустота: с чем-то тысяча рублей. Потратит тысячу – а дальше как? Раньше хоть огород выручал, но в это лето, когда сознательно им пренебрегала, собрала с гулькинос.

Требовалось что-то предпринимать. Решение созрело в одно мгновение. «Не пошло с этим? Пойду-ка и сотворю другую партию! Сотворю что-то... Ну, словом, чего раньше никогда не делала. Благо глины намешанной хватает».

Очень кстати вспомнились прочитанные ею в детстве сказки: Иванушка-дурачок, Царевна-лягушка, глуповатый царь-батюшка, сметливый, находчивый отставной солдат. А бок о бок с ними – те, что пришли из сказок Андерсена и когда-то повергали в трепет Надино нежное сердечко: Дюймовочка, Кай, попавший в коварные сети Снежной королевы, отважная Герда, обратившийся в великолепного лебедя гадкий утёнок.

И, как часто это бывало у Надежды Николаевны, задумано – сделано.

Персонажи были совершенно новые. И все какие-то неожиданные. Чем-то удивляющие саму мастерицу: то необычным поворотом головы, то непонятно откуда взявшейся ухмылкой. Как будто они сами лепили себя и каким-то потаённым образом подсказывали Надежде Николаевне, как им лучше, поприманчивее смотреться. От самой Надежды Николаевны только и требовалось, что не пропускать эти пожелания, их волю мимо ушей.

Пока суд да дело, ко времени окончания новой партии настал конец сентября. Все деревья стояли уже полуоголёнными. И базар изменился. Царствующая здесь летом чернота куда-то разбежалась – так что занимай любое место, никто тебя не подвинет, не обзовёт худым словом. Торговали в основном сушёными грибами и ягодами. Редко-редко привезут из ближайших деревень яйца, парное мясо или что-то из молочных продуктов. Народу, кто мог бы чего-то купить, тоже стало гораздо меньше: все «дачники» из города разъехались по своим уютным квартирам. Что касается местных, нужда ходить на рынок появлялась у них крайне редко, разве что у самых незапасливых, а таких в Кошкино всегда было немного.

Словом, шансов что-то продать, судя по всему, у Надежды Николаевны даже поубавилось. А продать хоть что-то надо было обязательно: вот уже третий день Надежда Николаевна

питалась исключительно чёрным хлебом и запивала его кипятком. Денег у неё практически не осталось. Даже мелочи, чтобы купить пачку соли, не насобираала.

Но хотелки хотелками, а на деле... Тот же ноль на палочке. Её новые творения вызывали у редких базарных посетителей ещё меньший интерес, хотя Надежда Николаевна встала сейчас на довольно бойком месте – чуть наискосок от главных ворот. Бросят мельком равнодушный взгляд, а некоторые даже и ухмыльнутся: мол, надо же, взрослая баба, а такой чепухой занимается.

Следующий день был понедельник, рынок был закрыт, и теперь на него можно было попасть только во вторник.

«Схожу ещё раз. Последний. Если опять ничего не продам – всё! Хенде хох. Считай – я проигравшаяся. Тогда уж точно возвращаюсь в валяльню...»

4

Понедельник, понятно, день тяжёлый.

Но для Надежды Николаевны он ещё оказался и не без сюрприза. Уже за вечерело, а в желудке урчит, желудок есть просит. Этим днём она почти ничего не поела. Только погоняла несладкого (на сахар денег уже не доставало) чаю с пустым ломтём хлеба. Так худо она не питалась даже в детстве.

Только сполоснула кружку, поставила в сушилку – звонок в дверь.

«Сыночек пожаловал», – подумала Надежда Николаевна. Давненько уж он у неё не бывал, с тех самых пор, как у матери стало совсем нечем поживиться. Уверенная, что это он, она даже не стала спрашивать, сразу отворила дверь.

За нею... Надежда Николаевна как увидела, убедилась – аж в глазах зарябило. И было от чего. За дверью стоял, широко улыбаясь, её бывший односельчанин – Толян. Прифранчённый. В костюмчике. Великоватом, правда. Похоже, выпросил у кого-то на время. И даже при галстукe. Таким Толяна Надежда Николаевна в жизни никогда не видывала.

– Принимай, Надюха, гостей со всех волостей! – заговорил он и уже занёс ногу через порог. – Чё? Видать, не ждала?

– Ты откуда... такой?

Толян уже перебрался за порог и даже дверь за собой поспешил прикрыть.

– Да чапал мимо. Дай, думаю, зайду. Давно не виделись. Слушай, Надюха, я тут пошамать кой-чего... И выпить тоже. – У нечаянного гостя в руках торбочка. Выуживает оттуда сначала бутылку, потом пакетики. – Отметим это дело?

– Какое дело-то?

– Дак я ж этга... дом в Сосновцах продал. Разве ж ты не слыхала? Да. Аж за сто тыщ! Сыну, правда, сразу половину. Теперь у них проживаю. Так что мы с тобой теперь вроде как соседи... Ну и где мы тут с тобой посидим? Показывай.

«А что? Может, и в самом деле посидеть?»

Что ж, Толян, понятное дело, не подарок. Хотя... сейчас,

принаряженный, умытый, даже постриженный, свежепобритый и издающий запах одеколona (судя по всему, только что из парикмахерской), – он не производит впечатления совсем уж никудышного, никчёмного, ни на что не годящегося мужичонки. Да и вовсе ещё не старый. Особенно для неё-то. Ведь совсем одной – чего уж таить? – ей всё труднее и труднее. А тут хоть какое-то разнообразие. Всё, может, не так тоскливо... А, будь что будет!

– Что у тебя хоть в пакетах-то?

– А этта... – совсем уж засуетился Толян, обрадованный, что его сходу взашей не прогнали, – я тут колбаски ветчинной... Рыба сом. С большим усом. Холодного копченья. Запах!.. Чуешь? И ещё студению. Продавщица нахваливала. Так я его прямо целый кило. Словом, много всего. Счас облопаемся!

...Растолкала Надежда Николаевна Толяна уже в начале седьмого утра. Чтобы убрался из её квартиры, пока соседи не проснулись, не увидели её позора. «Ещё дочери возьмут и доложат! От стыда до конца жизни не отмоешься...»

Толян проявил удивительную для него сознательность, не стал возражать против такой ранней побудки. Быстренько оделся и был таков. Напоследок, правда, прежде чем уйти, успел пообещать:

– Я, Надюха, к тебе, ты уж не обессудь, раз уж мы всё одно с тобой теперь соседи, буду осторожненько этта... похаживать. Идёт?

«Ладно, – только и подумала про себя Надежда Николаевна, но ничего не сказала. – Может, будешь, может, нет... Это ещё вилами на воде. Время покажет».

Проводила Толяна, дверь за ним на все запоры закрыла, вернулась в кровать и ещё полежала с часок. Поднялась, наскоро перекусила тем, что осталось от Толяниной провизии, оделась и уже решила было отправиться в очередной раз на базар с партией своего пока никому не приглянувшегося товара, но лишь отодвинула занавеску, выглянула в окно... Небо в сплошных тучах. Нудный дождик. Плюнула с досады и опять завалилась в постель.

5

Дождь прекратился только к полудню. Небо очистилось, даже робкое солнышко засияло. Тогда только Надежда Николаевна и засобиралась на базар.

А там – почти кладбищенская тишина. Что продавцов, что покупателей – кот наплакал. Стоит ли вообще раскладываться? Хорошо, хоть солнышко не спешит скрыться за облаками, пока греет надёжно, – быстро, на глазах подсыхают лужи.

Солнышко-то и не позволило Надежде Николаевне покинуть базар раньше времени. Так сказать, примирило с неприглядной действительностью. Пригретая им, погрузившаяся в поток разрозненных воспоминаний и мыслей, Надежда Николаевна даже на какое-то время забыла, где она находится,

что с ней вообще творится; даже перестала что-либо замечать.

К жизни её вернул прямо, как ей показалось, над самым ухом прозвучавший вопрос:

– Вы продавец?

Надежда Николаевна ожила, встрепенулась. У прилавка – троица. Две женщины и один мужчина. Явно, судя по одеянию и выражению лиц, не местные. Может, даже с теплохода. Сегодня, Надежда Николаевна об этом знала, последний перед закрытием туристского сезона заезд. Элегантно одетая, в шляпке, очкастая молодая женщина. Она-то и задала Надежде Николаевне столь долгожданный и уже представлявшийся ей какой-то фантастикой вопрос. Рядом – пожилая пара, в ярких, кричаще не соответствующих их почтенному возрасту куртках. На почтенной даме поверх куртки ещё и нелепо топорщащийся дождевик.

– Ну я.

Очкастая что-то пролопотала на непонятном Надежде Николаевне языке, и пожилой господин сразу о чём-то спросил.

– А кто это всё сделал? – перевела очкастая.

– Ну как это «кто»? Я же сама и сделала. А кто ж ещё?

Господин, не дожидаясь, когда очкастая переведёт, взял в руку одну из поделок.

– Что... это? – задал самостоятельно вопрос. На вроде бы русском.

– Это из сказки «По щучьему веленью», – зашпешила с объяснением Надежда Николаевна. – Иванушка. Это дурачок такой наш. Русский. Иначе говоря, простофиля. Пустой человек. А от жизни хочет много. Вот он, видишь, на печке-то и сидит. А печка-то по воздуху, вишь, как летит. Как самолёт. Хотя и без крылышек. Ему и любо!

Очкастая перевела. В сознании Надежды Николаевны запечатлелось только одно несколько раз повторившееся слово: «Феритейл! Феритейл!» А что за «феритейл», Надежде Николаевне невдомёк.

Господин внимательно, не перебивая и не отпуская из рук поделки, слушал, о чём ему говорила очкастая. Только когда она, кажется, объяснила всё, что хотела, он вернул поделку на прилавок и тут же взял в руки другую. Очкастая, не дожидаясь вопроса, о чём-то опять залопотала, и вновь господин её внимательно выслушал. Только когда закончила, он обратился напрямую к Надежде Николаевне, а очкастая незамедлительно перевела:

– Насколько мы понимаем, вы всё это продаёте?

Надежде Николаевне оставалось только утвердительно покивать головой.

– И если мы купим у вас всё, сколько вы за это хотите?

– Всё?.. – Надежда Николаевна не поверила своим ушам.

– Да! Всё-ё-ё! – на этот раз ответил сам господин, широко улыбаясь, и в подтверждение, что он не обманывает, широко развёл в стороны обе свои руки. Получилось как два крыла.

Сейчас вот взмахнёт ими и улетит далеко, за Волгу. Улетит – не поймаешь.

О, как забилось сердце Надежды Николаевны!

– Ой, я даже не знаю...

– А вы подумайте. Не спешите, – кажется, впервые доброжелательно улыбнулась очкастая. – У нас ещё много времени, мы не спешим.

«Что же... Что же мне в самом-то деле запросить-то? Господи помилуй! Ой, только бы не продешевить... Только бы не продешевить! – проносилось в сознании Надежды Николаевны. – Хотя, с другой стороны, можно так загнуть, такое брякнуть, что они дальше и слушать не станут. Задницей повернутся и уйдут. А запрошу-ка я у них... тыщу! Поделок вон сколько. Три десятка. И все как одна разные. И все почти как живые. Тыщу-то они, поди, если все скопом, вполне стоят... Я стоко времени, труда в них полóжила. Пусть будет тыща... А покажется много, так уж и быть, я ведь и подешевле не против...»

Когда Надежда Николаевна назвала цену, а очкастая её перевела, у господина, так во всяком случае показалось Надежде Николаевне, несколько удивлённо поползли вверх брови.

«Ох, видать, много запросила... Сейчас возьмут и уйдут», – ухнуло сердце Надежды Николаевны. Она уже собралась было пойти на попятный, когда господин что-то проговорил, а очкастая перевела:

– Вы слишком дешёво себя цените. Вы ещё не знаете цену

своего товара. Месье Бошваль готов купить у вас за три тысячи, – она опять ободрительно улыбнулась. Смысл этой улыбки, как это прочиталось самой Надеждой Николаевной, был примерно такой: «Жар-птица прилетела в твои руки. Хватай её за хвост, не зевай!»

– Я согласная!

Тут же весь её товар перекочевал в большую яркую сумку, что находилась в руках пожилой, до сих пор не произнёсшей ни слова, а только внимательно слушающей дамы. Пока наблюдала за перемещением своих поделок, Надежда Николаевна испытала смешанные чувства: возвышающую её гордость (всё-таки труды оказались не напрасны, кому-то сильно приглянулись, кто-то их достойно оценил!) и сжимающую сердце горесть, как если бы она расставалась с кем-то ей очень близким безо всякой надежды увидеться вновь.

Между тем господин достал из-за пазухи бумажник, извлёк деньги, передал их очкастой, о чём-то снова попросил. Очкастая аккуратно пересчитала купюры и только после этого подала их Надежде Николаевне. В руках господина между тем появилась блестящая, как будто даже посеребрённая, пластиковая карточка, которую он протянул Надежде Николаевне.

– Это визитка месье Бошваля, – объяснила очкастая. – Вы всегда, если захотите, сможете его по ней отыскать.

Пока Надежда Николаевна держала деньги в одной дрожащей от волнения руке, а переливающуюся серебром кар-

точку в другой, господин ещё что-то произнёс. Очкастая не преминула открыть свою сумочку, достала из неё записную книжку, авторучку и протянула то и другое Надежде Николаевне.

– Напишите, кто вы. И ваш адрес. Как вас отыскать. Постарайтесь не ошибиться. Это о-очень важно.

Перед тем как уйти, господин почтительно взял руку Надежды Николаевны и, как это делают кавалеры в кино, поцеловал. У Надежды Николаевны ноги подкосились. Попрощалась с ней и показавшая в улыбке ослепительной белизны зубы дама. Правда, руку Надежды Николаевны целовать не стала, просто подержала пару мгновений в своей.

– Всего вам доброго! – сказала на прощанье очкастая. – Успехов вам!

– На здоровьичко, – только и смогла выдавить из себя ошарашенная всем случившимся Надежда Николаевна.

С базара летела как будто на крыльях! Первым делом в находящийся как раз по дороге к дому продмаг. Разговориться от души! И не вчерашним Толяниным студнем и копчёным сомом, от которого желудку до сих пор как-то не по себе, а взять салями палку, сливочного масла, фарш мясной, три сорта конфет, не говоря уже о всякого рода мелочи: хлеб, крупы, маргарин и тому подобное. Знакомая продавщица даже с улыбкой поинтересовалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.